
THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

СТИХОТВОРЕНІЯ

Дмитрія Фонъ-Лизандера.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
1845.

Noun
Nand.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ДМИТРІЯ ФОНЪ-ЛИЗАНДЕРА.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
1845.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Ноября 13-го, дня 1845 года.

Ценсоръ Петръ Страховъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

1841 года.

I.

ДВѢ НОЧИ.

(Памяти Н. П. Г—ва).

I.

Она была тиха, свѣтла, благоуханна,
Блестящей ризой звѣздъ роскошно одѣянна.
Березы, тополи дремали на водахъ.
Ихъ мѣсяцъ озарялъ, сіяя въ небесахъ.
Тогда мы съ нимъ, вдвоемъ, рука съ рукой,
Сидѣли, полны думъ, надъ ясною водой.

II.

Сидѣли, молча, мы.... Мы сладко забывались
И ночи красотой и блескомъ любовались
Надъ нами мѣсяцъ плылъ. Онъ золотомъ живымъ
Струился и сверкалъ по безднамъ голубымъ:
Кругомъ шли купы липъ въ таинственныхъ тѣняхъ —
И соловей свисталъ въ ихъ дремлющихъ вѣтвяхъ.

III.

Шумъ города вдали невнятно раздавался:
То съ гуломъ онъ гремѣлъ, то глухо разбѣгался....
Мы стали говорить о дружескихъ сердцахъ,
О жизни молодой, о будущихъ годахъ,
О вольныхъ странствіяхъ по Рейну, по скаламъ
И по полуденнымъ, сіяющимъ морямъ....

IV.

Счастливыя мечты!.... Воображенье наше
Рождало сонъ за сномъ, одинъ другаго краше.

И пышно и свѣтлò, какъ счастье и любовь,
Надъ мглой грядущихъ лѣтъ волшебный ихъ покровъ
Горѣлъ.... И ночь прошла, какъ быстрый сонъ Съ зарей,
Мы встали и пошли, опять рука съ рукой.

V.

Мы подружились съ нимъ при нашей первой встрѣчѣ:
Я полюбилъ его за пламенныя рѣчи,
За мощный жаръ надеждъ, за чудныя мечты
И сердце полное высокой простоты;
Онъ полюбилъ меня.... И радость, и печаль
Дѣлили нѣжно мы — и шли безпечно въ даль.

VI.

То были дни, которымъ нѣтъ возврата,
Какими наша жизнь, лишь только разъ богата....
Вдали отъ свѣтскихъ бурь, ихъ мрачныхъ чуждъ тревогъ

Я полонъ былъ надеждъ, я вѣрить счастью могъ;
А онъ, мой юный другъ, восторженнымъ умомъ,
Стремился, какъ дитя, за правдой, за добромъ. . . .

VII.

Межъ тѣмъ, промчался годъ. Какъ долгъ неотразимый,
Я бросилъ сердца дань судьбѣ неумолимой:
Быть можетъ, многаго ужъ нѣтъ въ душѣ моей,
Быть можетъ, и на жизнь смотрю я холоднѣй....
Но годъ прошолъ. За нимъ — еще пронесся годъ.
И снова я стою надъ лономъ милыхъ водъ.

VIII.

Опять она тиха, свѣтла, благоуханна,
Блестящей ризой звѣздъ роскошно одѣянна.
Березы, тополи почіютъ надъ прудомъ.
Ихъ мѣсяцъ золотитъ таинственнымъ огнемъ.
Но, за вершинами деревьевъ и кустовъ,
Есть длинный рядъ могилъ, надъ ними рядъ крестовъ. . . .

IX.

И онъ ужъ тамъ!... Высокія мечтанья,
Святой восторгъ надеждъ, святыя ожиданья—
Въ могилѣ все...... Земной окончивъ путь,
Еще не утомленъ, ужъ легъ онъ отдохнуть —
И спитъ послѣднимъ сномъ, спитъ весь ... Но для чего?
И что за сны лелѣютъ сонъ его?....

X.

Тѣснятся въ мою грудь догадки и сомнѣнья,
Ошибки, можетъ быть..... Но гдѣ жъ имъ разрѣшенья?...
Одинъ, съ нѣмой тоской, надъ лономъ водъ сижу
И въ будущность мою, задумавшись, гляжу.
Мой вѣрный песъ у ногъ моихъ лежитъ
И смотритъ на меня,— и жалобно ворчитъ....

II.

СОВРЕМЕННАЯ ЖИЗНЬ.

На бурномъ торжествѣ житейскихъ треволненій
Отпировать толпы спѣшатъ —
И пьютъ, и жадно пьютъ изъ бездны ощущеній,
Восторговъ сердца и утратъ. . .

Чуть вышли изъ пеленъ,— въ его тревогѣ праздной,
Обильно льютъ избытокъ силъ
Въ потокъ страстей и чувствъ, въ потокъ разнообразной,
Несущій жизнь во мракъ могилъ.

И любятъ горячо, и жарко презираютъ,
И, съ вѣрой въ искренность людей,

За искреннюю страсть, за чувство принимаютъ—
Личины блѣдныхъ ихъ страстей.

И дружбѣ, и враждѣ звучитъ въ нихъ отголосокъ,
Живой, стремительный отвѣтъ;
И блескъ, и мракъ ума, — прожитыхъ чувствъ обносокъ, -
Бросаютъ въ грудь ихъ жаркій слѣдъ....

И вся она полна безмысленныхъ волненій ...
И, дѣти, знать онѣ хотятъ,
Что старцамъ знать дано—изъ горькихъ откровеній,
Изъ слезъ, обмановъ и утратъ.

И вотъ всему, чѣмъ жизнь могуча и ничтожна,
Что ярко въ ней и что темно̀,
Дань сердца уплатить онѣ спѣшатъ тревожно,
Хоть и болитъ, подъ часъ, оно....

И вотъ, что̀ день, что̀ часъ, что̀ мигъ неуловимый
То̀ ранній опыта урокъ,

Разлука ранняя съ мечной давнолюбимой
Сомнѣнье, скука и порокъ.

Безумная отрада!..... Съ напряженьемъ
Онѣ въ вертепъ его влекутъ
Послѣдній пламень чувствъ; гордятся ихъ паденьемъ
И вдругъ— встаютъ себѣ на судъ.

Но, въ пышномъ цвѣтѣ лѣтъ, едва созрѣвъ душою,
Ужъ носятъ въ ней печали ядъ—
И, полны мрачныхъ думъ, съ томительной тоскою,
На жизнь болѣзненно глядятъ. . . .

Что было, то прошло безъ свѣтлыхъ вспоминаній;
Надеждъ, что будетъ, не даетъ—
И глухо, и темнò, безъ страсти, безъ желаній,
Ихъ сердце мертвое живетъ:

Въ немъ нѣтъ, на вѣчно нѣтъ восторга впечатленій,
Нѣтъ силъ вновь вѣрить, вновь любить,

Ни жажды горькихъ слезъ, ни жажды наслаж-
дeній—
И тяжко имъ и скучно жить.

Въ душѣ ихъ клевета на жизнь и провидѣнье,
Насмѣшка — дружбѣ и любви,
Для вѣры и надеждъ — боязнь разувѣренья
И злоба тайная въ крови. . . .

Печальная пора!.... Она напоминаетъ,
Какъ отъигравшійся актеръ,
Угрюмъ и утомленъ, презрительно зѣваетъ,
Глядя на пышный свой уборъ.

IIII.

Какъ вспомнишь иногда безумства прошлыхъ дней,
Ихъ думъ и чувствъ кумиры, —
Такъ больно, грустно мнѣ.. . . И грусть души моей,
Горитъ огнемъ сатиры.
Но сердца жаль и молодости жаль. . . .
Махнешь на все рукою —
И вновь бѣжишь въ глухую жизни даль
Съ безумной быстротою.

IV.

Сожалѣніе.

I.

Вы говорили мнѣ привѣтныя слова.
Отъ нихъ пылалъ мой умъ, кружилась голова:
Тогда ихъ нѣжный смыслъ я сердцемъ понималъ,
Боялся ихъ прервать — и жадно имъ внималъ. . . .

II.

Вы нѣжно вновь глядите на меня;
Вновь шепчете »люблю« и взоръ не преклоня; —

Но уже смыслъ привѣтныхъ вашихъ словъ
Не сердцемъ, а умомъ я разбирать готовъ.

III.

Весну души съ тѣхъ поръ я пережилъ,
Не мало чувствъ убилъ, не мало разлюбилъ—
И прежнихъ лѣтъ тревоги и мечты
Богъ знаетъ гдѣ, какъ падшіе листы....

IV.

А вы.... Вашъ взоръ горитъ душевной полнотой,
Восторгомъ ясныхъ думъ и вѣрой молодой,
Такъ пламенно горитъ, что, внемля вамъ, не разъ
Невольно я грустилъ и сожалѣлъ о васъ.

V.

Да, мнѣ васъ жаль: страшусь когда нибудь,
Сомнѣньемъ и тоской встревожить вашу грудь,
Иль пламеннымъ рѣчамъ, рѣчамъ любви живой,
Внимать съ поникшею безмолвно головой....

VI.

Да и кчему вамъ ждать бывалыхъ чувствъ въ
отвѣтъ?
Они увлечены потокомъ дней и лѣтъ,
Потокомъ роковымъ, который мчитъ всѣхъ насъ,—
Который увлечетъ, когда нибудь, и васъ. . . .

V.

Блистательной и пестрой вереницей
Шумящія толпы проходятъ предо мной.
Ихъ рѣчь жива и радостны ихъ лица.
Онѣ сюда сошлись съ вечернею зарницей —
И разойдутся вновь лишь съ утренней зарей.

Должно быть весело блестящему собранью:
Въ немъ жатва пышная и сердцу, и умамъ. . . .
Но мнѣ не весело: пустому ликованью
Не вѣрю я, какъ крашенымъ гробамъ,
Какъ шолковыхъ цвѣтовъ благоуханью.

Мнѣ кажется, толпы сошлись, скучая;
Смѣются для того, чтобъ сердце обмануть —

И говорятъ, чтобъ не заснуть, зѣвая,
И думаютъ, чтобъ странностью блеснуть,
И блещутъ, чтобъ не спать о прошломъ вспоминая.

И, если ихъ живой и шумный разговоръ
Сначала внемлю я съ невольнымъ увлеченьемъ,—
Чрезъ мигъ потомъ смѣюсь, иль потупляю взоръ:
За весь его пустой и ядовитой вздоръ
Мнѣ стыдно — и мой стыдъ кипитъ живымъ през-
рѣньемъ. . . .

VI.

МОЕМУ СЕРДЦУ.

Благодарю — за то, что я любилъ,
За то, что зналъ волшебныя мечтанья,
За то, что я страдалъ и строго сохранилъ
О дняхъ моей любви живыя вспоминанья. . . .

Но я клянусь — и я клянусь не ложно,—
Не такъ бы я тебя благодарилъ,
Когда бъ всѣ эти дни забыть мнѣ было можно,
Иль никого бы я до сихъ поръ не любилъ.

VII.

ВЕЧЕРОМЪ, 10-го ОКТЯБРЯ.

Еще умчался день въ потокъ необозримый.
И много вслѣдъ за нимъ умчится новыхъ дней;—
А не замѣтишь ихъ душой невозмутимой:
Они пройдутъ безъ думъ, безъ чувствъ и безъ страстей. . . .
Нѣтъ для души тревогъ, нѣтъ для ума движенья:
Все тожъ да то..... Обидно и смѣшно:

Ужель не жизнь, а прозябенье
Для сердца суждено?
Во глубинѣ души безжизненный покой;
Разсудокъ спитъ безъ грусти, безъ сомнѣнья. . . .
О чемъ ему грустить? иль мыслію живой
О чемъ гадать?.... Что̀ дни, то̀ повторенья.
Начало ихъ и полдень, и закатъ
Размѣрены впередъ безтрепетной душою,
Какъ протяженія наслѣдственныхъ палатъ,
Въ которыхъ бродимъ мы съ холодною тоскою.
Какъ школьникъ наизустъ читаетъ свой урокъ
Такъ наизустъ все прошлое читаешь:
Все вѣрно, чотко въ немъ.... Пробѣловъ нѣтъ межъ строкъ.
Надъ каждой буквою разсѣянно зѣваешь. . . .
И въ будущность глядишь безъ думъ, безъ нѣги сладкой:
Не тайна для ума ея пустой разсвѣтъ. . . .
И завтра не горитъ плѣнительной загадкой,
И отъ вчера — воспоминаній нѣтъ!. . . .
А, между тѣмъ, избытокъ силъ кипитъ
Тревогой жаркою волненья молодаго;

Играющая кровь томительно горитъ
И все, какъ будто ждешь чего нибудь инаго.
Но день бѣжитъ за днемъ съ знакомой стариной,
Незыблемой ни чѣмъ, ни въ чемъ неизмѣнимой.
И царствуетъ въ душѣ насильственный покой —
И вѣчность бездною лежитъ необозримой....

VIII.

Я ПОМНЮ.

Я помню, ты вотще лила предъ ними слезы,
На жертву брачную, какъ агнецъ, убрана;
Я помню, ужаса полна,
Вплетала въ кудри ты и жемчуги и розы....
Я помню, ты была, какъ ангелъ, хороша
Въ дѣвическомъ вѣнкѣ, подъ бѣлымъ одѣяньемъ....
Не плакалъ я, но, чуть дыша,
Глядѣлъ я на тебя съ мучительнымъ страданьемъ.
Я цѣпенѣлъ, отчаяньемъ томимый,
Кругомъ безсмысленно взиралъ,
Когда тебя тобою не любимый,
Но избранный тебѣ своею называлъ....

Я все хотѣлъ забыть, хотѣлъ шептать моленье
О счастіи твоемъ въ объятіяхъ чужихъ; —
Хотѣлъ, — свидѣтель Богъ.... Но горе, но мученье
Проклятіемъ лилось изъ блѣдныхъ устъ моихъ.
Я убѣгалъ воспоминанья ; —
Но долго, днемъ и въ тмѣ ночной,
Твои мнѣ слышались рыданья —
И долго трепеталъ разсудокъ бѣдный мой.

IX.

ПРОКЛЯТОЕ ДЕРЕВО.

Когда Учителя онъ предалъ истязаньямъ
И распятъ былъ Сынъ Божій на крестѣ; —
Въ глухой, въ тяжелой слѣпотѣ
Бродилъ онъ день и ночь съ невольнымъ содро-
ганьемъ....

Молиться онъ хотѣлъ,— уста не разверзались;
И слезъ потокъ изсякъ въ его очахъ:
Имъ всюду призраки Распятаго являлись—
Въ крови, съ крестомъ на раменахъ.

О камни бился онъ,— но камни распадались;
И ножъ, какъ змѣй, скользилъ въ его рукахъ;

И воды въ камень претворялись,
Когда онъ страшный часъ хотѣлъ забыть въ волнахъ.

Тогда, нависшую надъ пропастію чорной,
Осину онъ нашолъ, веревку привязалъ
И, раскачавшися, упалъ —
И, вздрогнувши, повисъ надъ бездною тлетворной.

И хохотъ загремѣлъ въ ея бездонномъ зѣвѣ. . . .
Но духъ предателя живетъ въ проклятомъ древѣ:
Въ спокойный, лѣтній день, когда и воздухъ спитъ,
Оно, какъ человѣкъ, трепещетъ и дрожитъ ...

X.

Дайте степь мнѣ да коня,
Скакуна лихаго.
Чтобъ въ степи, вокругъ меня —
Ничего живаго:

Чтобъ въ ней былъ глухой песокъ
Безъ травы, безъ ели,
Безъ тропинокъ, одинокъ, —
Вѣтры бъ лишь шумѣли.. ...

Чтобъ мой конь, какъ вихрь степной,
Съ вихрями кружился
И, какъ птица, подо мной
День и ночь носился;

А чтобъ вѣтеръ подъ конемъ
Бился, завывая
И вторгался въ грудь огнемъ,
Жилы разрывая:

Замирая, мчался бъ я
Черезъ степь, чрезъ рѣки —
И забылъ, забылъ бы я
Всѣхъ и все, на вѣки.

СТИХОТВОРЕНІЯ

1842 года.

I.

РАЗДУМЬЕ.

Странно: лишь только любимое, жаркое чувство
Полно и нѣжно душой обоймешь, въ тотъ же мигъ
охлажденье
Мрачно и быстро вторгается въ душу— и сердце
Милое чувство разитъ ужъ насмѣшкой, иль гор-
дымъ презрѣньемъ....
Иль потому, что и все вѣдь мы любимъ такъ
слабо,
Такъ мимолетно? что, — дѣти страстей и жела-
ній невольныхъ,—
Въ мигъ наслажденья ужъ жаждемъ иныхъ
наслажденій?. . . .

Иль потому, что вѣдь насъ и вся жизнь только тѣмъ лишь чаруетъ,
Что ничего неизмѣннаго въ ней мы не видимъ
И ничего долговѣчнаго ждать отъ нея мы не можемъ;
Что вся она передъ нами несется, какъ призракъ,
Нынче не та, что вчера, завтра не та, что сегодня
И въ ней слезу такъ отрадно смѣняетъ улыбка,
Бури сомнѣній тревожныхъ — миръ и безпечность ребенка,
Что, — если нѣтъ намъ радости въ ней безконечной, —
Нѣтъ и не будетъ ни въ чемъ безконечнаго плача и горя?.....

III.

СТРАШНО УМЕРЕТЬ.

I.

Нѣтъ, страшно, страшно умереть
И въ землю лечь, и въ ней истлѣть
Такъ быстро, такъ невольно.....
Я бѣдной жизнію моей
Не дорожу.... И право съ ней
Разстаться мнѣ не больно—

И я готовъ.... Лишь только бъ умъ
Былъ чуждъ обидныхъ, горькихъ думъ
И сердце твердо знало,
Что наше вѣчно бытіе;—

Тогда бъ, спокойное, оно
    За жизнь не трепетало:

Мнѣ снился бъ чистый, какъ эфиръ,
Иной, нездѣшній, лучшій міръ
    Священнаго завѣта,
Гдѣ духъ мой вѣчно бы игралъ,
Горѣлъ, клубился и сіялъ,
    Какъ въ небѣ волны свѣта....

II.

Но смерть страшна.... Умри,— и попъ,
И рядъ свѣчей, и пышный гробъ,
    И саванъ погребальной,
И дымъ кадилъ, и звонъ глухой,
И плачъ мужчинъ, и женщинъ вой —
    Все это такъ печально;

Такъ къ думамъ горестнымъ манитъ,
Такъ сердце бѣдное страшитъ,
    Какъ будто,— свелъ лишь вѣки,—
И все прости, въ послѣдній разъ,

И разлучилъ ужъ смерти часъ
Со всѣмъ, со всѣмъ, на вѣки ;

Какъ будто духъ и сердца жаръ
Въ тотъ часъ разносятся, какъ паръ,
Въ предѣлахъ безтѣлесныхъ
И будешь ты — ничто, мечта,
Умолкшій звукъ, иль пустота
Въ пространствахъ неизвѣстныхъ...

IIII.

МАЙСКАЯ НОЧЪ.

Солнце догорѣло въ блескѣ лучезарномъ.
Вѣетъ ясный вечеръ въ сумракѣ янтарномъ.

Въ небѣ все прозрачно, радостно и стройно.
На землѣ все тихо, мирно и спокойно.

Тамъ живыя звѣзды всходятъ и сверкаютъ —
И одна другую блескомъ помрачаютъ.

Нѣтъ лучамъ ихъ счета, нѣтъ имъ и преграды:
Яхонтъ да алмазы всюду видятъ взгляды....

Здѣсь нѣмыя воды бархатъ изумрудной
Дѣвственнаго луга отражаютъ чудно —

И играютъ нѣжно, трепеща струями,
Съ синей мглою неба, съ яркими звѣздами....

Гдѣ-то, въ дальней рощѣ, темной и глубокой,
Соловей надъ розой плачетъ одиноко,—

Плачетъ и рыдаетъ.... А кругомъ все внемлетъ—
И въ роскошной нѣгѣ сладострастно дремлетъ.

Пышно волны свѣта отъ луны стыдливой
Льются...... И молитва зрѣетъ молчаливо.

IV.

ПОСЛѢДНЕЕ ПРИЗНАНІЕ.

Да, я тебя любилъ. . . . Ни грустью, ни упрекомъ,
Съ тобою встрѣтившись, тебя я не смущалъ
И никогда, нигдѣ, въ томленіи глубокомъ,
Моихъ безумныхъ чувствъ тебѣ не открывалъ.

Да, я тебя любилъ. . . . Когда ты колебалась
И знойный жаръ любви въ твоихъ очахъ пылалъ,
И ты, сгарая вся, на грудь ко мнѣ склонялась, —
Я долгъ и стыдъ, и честь тебѣ напоминалъ.

А, между тѣмъ,— грудь разрывали муки;
А, между тѣмъ,— я палъ бы предъ тобой,
Слезами жаркими облилъ бы твои руки,
Отдалъ бы за тебя жизнь, вѣчность и покой. . . .

V.

РАЗЛЮБИВШЕМУ.

I.

Не обольщай себя напрасно:
Твоей любви прошла пора.
Не любишь ты такъ нѣжно, ясно,
Такъ безгранично, безпристрастно,
Какъ ты любилъ еще вчера.

II.

Разлука, дни и сожалѣнья
Прочли ужъ сердцу приговоръ....
Что жъ?.... Въ безднѣ вѣчнаго движенья
Чья грудь не знала охлажденья?
Чего жъ, стыдясь, склоняешь взоръ?....

III.

Взгляни: кумиръ первоначальной
Чрезъ жизни путь глухой и дальной
Кто могъ пронесть— и не разбить?
Кто выше истины печальной —
Любить, страдать и разлюбить?

IV.

Живымъ даны живыя страсти.
Любовь живыхъ,— страстей раба, —
Такъ имъ покорна, такъ слаба,
Такъ лишена свободной власти.....
И всѣмъ одно дала судьба.

V.

Не отрицай же благородно,
Не говори, что любишь ты:
Скажи — любилъ, какъ всѣ, безплодно
И разлюбилъ, и несвободно,
И самъ разбилъ свои мечты.

VI.

ЧЕМУ ВѢРИТЬ?

Духъ мой безпокоенъ;
Въ чувствахъ я не воленъ. . . .
Клясться ль буду вамъ?
Грустно лицемѣрить:
Можете повѣрить. . . .
Клятвы я не дамъ.

Нѣжно васъ цалуя,
Въ этотъ мигъ люблю я....
Вѣрьте же ему,
Вѣрьте же мгновенью,
Вѣрьте увлеченью,
Больше - ничему.

VII.

И ГРУСТНО, И СМѢШНО.

Напрасныя мечты, безплодныя желанья,
Я сердцу запретилъ
И грёзы дѣтскихъ лѣтъ, какъ чуждыя преданья,
Забылъ и разлюбилъ....

Шумитъ вокругъ меня въ тревогѣ ежедневной,
Клянетъ и любитъ свѣтъ; —
Но сердцу все равно: спокоенъ міръ душевной
И въ немъ тревоги нѣтъ.

А если, иногда, и вспыхну я волненьемъ, —
Я, какъ младенецъ, радъ,

Что въ тотъ же мигъ оно, туманнымъ сновидѣньемъ,
Уносится назадъ. . . .

И если, утомленъ душевной пустотою,
Я вспомню прежній міръ
И въ немъ заблещетъ вновь знакомой красотою
Низвергнутый кумиръ, —

На смутный блескъ его съ сомнѣніемъ гляжу я
И непонятно мнѣ,
Какъ онъ стоялъ, — стоялъ, сверкая и чаруя, —
Въ надзвѣздной вышинѣ. . . .

И сердце закипитъ живымъ негодованьемъ —
И грустно, и смѣшно,
Что вѣчности любви, восторгамъ и страданьямъ
Такъ вѣрило оно.

VIII.

ПОДРУГѢ ДѢТСТВА.

Чуждые печали,
Какъ волшебнымъ садомъ,
Утромъ лѣтъ бѣжали
Мы съ тобою рядомъ.

Дѣтскія желанья
Насъ соединяли
И одни мечтанья
Умъ нашъ волновали....

Но пора святая
Быстро миновалась:

Юность проживая,
Сердце измѣнялось....

И пошли мы розно
Въ жизненныя степи.
Тамъ бряцали грозно
Ихъ приличій цѣпи.

Ими насъ широко,
Тяжко оплетали....
Мы теперь далеки
Другъ отъ друга стали:

Юныхъ лѣтъ надеждѣ
Оба измѣнили,
Чтó любили прежде,
Тó ужъ разлюбили....

Бродимъ, не родные,
Средь мірскаго круга;
Встрѣтясь, какъ чужіе,
Смотримъ другъ на друга:

Чувство такъ ничтожно. . . .
И кчему волненье?
Намъ ужъ невозможно
Вновь соединенье. . . .

Мы сошлись невольно;
Разошлись безъ воли.
Совѣсти не больно. . . .
Что же еще болѣ?

Такъ родныя волны
Въ дремлющія воды
Дружно входятъ, полны
Блеска и свободы; —

Но, во мглѣ глубокой,
Въ буряхъ расшибаясь,
Уже одиноко
Льются, не сливаясь. . . .

IX.

ОХЛАЖДЕНІЕ.

Ни прежнихъ чувствъ, ни прежняго волненья
Ты не найдешь во мнѣ:
Потокомъ бурнаго, вседневнаго стремленья
Увлечены онѣ.

Воспоминанія смѣшны иль безобразны,
Какъ лики смутныхъ сновъ. . . .
Притворной ласкою, отъ нѣги чувства праздный,
Унижу ль я любовь?

Безъ упоенія, безъ мукъ очарованья
Гляжу я на тебя:
Ни милый голосъ твой, ни жаркія лобзанья
Не трогаютъ меня. . .

Что жъ дѣлать, бѣдный другъ?.... Невольно грудь
объемлетъ
Любви огонь живой,
Невольно гаснетъ въ ней — и, разъ погаснувъ,
длемлетъ,
Какъ дремлетъ трупъ нѣмой.

Ты плачешь?.... Плачь, дитя;—но силы охлажденья
Измѣной не зови;
Дай руку мнѣ, но руку сожалѣнья —
Безъ ропота любви. . . .

X.

У МОРЯ.

Сидѣлъ онъ у тихаго, яснаго моря,
Душой погруженный въ глубокія думы.
Давно по державно сіяющей влагѣ
Давно онъ не плавалъ съ сѣтями... Сребриста,
Его борода упадала по поясъ;

Почтенно сіяло чело безволосое старца; —
И дряхлые члены склонялись подъ тяжестью жизни.
У ногъ его были и челнъ позабытый, и весла,
И ветхія сѣти.... И думалъ рыбарь посѣдѣлый
О времени томъ, когда, окруженный волнами,

Смѣялся онъ вѣтрамъ и тяжкому грому,
И безднѣ, отвсюду вздымаемой бурей. . . .
Тогда онъ былъ молодъ: обильныя кудри
Сбѣгали, какъ волны, на крѣпкія плечи;
Во взорахъ играли отвага и смѣлость —

И мощно браздилъ онъ веслами кипящую влагу,
И, брега достигнувъ, влачилъ отягчонныя сѣти.
Онъ думалъ. . . . А море сіяло далеко, далеко,
Все тоже, какъ прежде, широкое, вольное море,
И въ ясныя воды спускалось румяное солнце.

XI.

ПРОСТАЯ ДѢВУШКА.

Она росла не средь безплодныхъ
Житейскихъ битвъ,
Не посреди людей холодныхъ
И ихъ молитвъ:

Средь мертвыхъ лицъ и пышныхъ масокъ,
Въ пустыняхъ залъ,
Ее никто, при громѣ плясокъ,
Не замѣчалъ. . . .

Она цвѣла отъ всѣхъ далеко,
Въ родной глуши,

Не оскорбивъ ни чѣмъ, глубоко,
Своей души.

За то, — бездушнымъ, гордымъ свѣтомъ
Не принята, —
Она полна живымъ привѣтомъ
Вся, какъ мечта :

Изъ-подъ рѣсницъ полураскрытыхъ —
Младенца взглядъ
И волны персей, чуть развитыхъ,
Какъ жаръ, горятъ ;

Потокъ кудрей благоуханныхъ
Такъ пышно густъ —
И сладокъ звукъ рѣчей нежданныхъ
Изъ свѣжихъ устъ....

И любитъ дѣтскія забавы
Еще она :
Глядитъ, какъ, въ ночь, изъ-за дубравы,
Встаетъ луна ;

Какъ солнце красное играетъ
По склонамъ горъ —
И пѣнье иволги внимаетъ,
Потупя взоръ;

У тихихъ водъ стоитъ, безмолвна,
Передъ зарей,
Когда волшебно блещутъ волны
Подъ синей мглой —

И любитъ первый звукъ свирѣли
Средь полутьмы. . . .
Все, все, чему, ужъ съ колыбели, —
Смѣемся мы.

XII.

СОНЪ.

И снова онъ,
Все тотъ же сонъ:
Вотъ садъ, вотъ прудъ зеркальный,
Калитки стукъ,
И юный другъ,
И видъ ея печальный. . . .

Опять она,
Нѣма, блѣдна,
Махаетъ мнѣ съ балкона —
И я одинъ
Среди равнинъ
Чужаго небосклона:

Сѣдая пыль,
Мохъ да ковыль,
Да борзой тройки ржанье,
Да тусклый паръ,
Да солнца жаръ,
Да грусть, да вспоминанье. . .

XIII.

УГРОЗА.

Къ тебѣ съ мольбой, томительно-унылой,
Явлюсь, какъ тать.
Гдѣ бъ ни была, ты ей, хоть надъ могилой,
Должна внимать.

Огонь любви въ тревогахъ жизни праздной
Я погасилъ ; —
Но ядъ любви, живую рѣчь соблазна,
Всю изучилъ. . . .

Ты отъ нее, какъ листъ отъ дуновенья
Не устоишь :

Ослѣплена блаженствомъ преступленья,
Вся закипишь....

Твой жаркій станъ пылающей рукою
Я охвачу, —
Но обладать, какъ въ оны дни, тобою
Не захочу.

Нѣтъ!.... Въ часъ, когда, истомлена желаньемъ,
Въ слезахъ, стеня,
Взведешь свой взоръ съ нѣмымъ очарованьемъ
Ты на меня;

Когда съ груди, лобзаніямъ отда̀нной,
Сорвешь покровъ
И скажешь мнѣ:» твоя!....» и, бездыханна,
Падешь безъ словъ; —

Послѣдній вопль язвительнымъ молчаньемъ
Остановлю,
Иль прошепчу въ отвѣтъ твоимъ стенаньямъ:
«Прочь: не люблю!....»

Для прежнихъ чувствъ, для нѣги упоенья —
Ужъ я мертвецъ. . . .
Паденья стыдъ и ужасъ пробужденья —
Вотъ мой вѣнецъ:

Не скажешь ты: «я не была твоею.»
Была моя, —
Но, какъ рабу, я, волею моею,
Отвергъ тебя. . . .

XIV.

ПОВѢСТЬ СЕРДЦА.

I.

Въ часъ золотой луны полночнаго сіянья ,
Вдвоемъ, наединѣ, безмолвны отъ страданья,
Сидѣли съ нею мы у озаренныхъ водъ.
Прозраченъ былъ небесъ, звѣздами полный, сводъ.
Столѣтніе дубы дремали надъ водою —
И ночь была полна волшебной тишиною. . . .

II.

Торжественная ночь !. . . Тогда мы дѣти были —
И пламенно другъ друга мы любили :

Играла въ первый разъ неопытная кровь,
Былъ сладокъ первый жаръ и первая любовь....
Но разлучали насъ.... И горько мы рыдали; —
Но «не забудь» уста, сквозь слезъ, не лепетали.

III.

Нѣтъ! полны были мы надежды горделивой:
Мы думали, судьбы удары прихотливой
И жизненныхъ тревогъ неотразимый ядъ
Младенческой любви ни въ чемъ не измѣнятъ;
Мы гордо вѣрили, что сердца жаръ священной
До гроба не умретъ, пылая вдохновенно....

IV.

Туманы бѣлые надъ озеромъ вставали,
Янтарные лучи все небо озаряли —
И пробуждался вновь дневной заботы шумъ,
Когда, исполнены печально-сладкихъ думъ,
Въ послѣдній разъ пожавъ другъ другу руку,
Мы смѣло разошлись на долгую разлуку.

V.

И осмѣяла жизнь надежды молодыя!
И унеслись мечтанія пустыя!....
Младенческой любви разоблачонной сонъ
Сталъ больно, можетъ быть, но праведно смѣшонъ:
Другъ другу, какъ и всѣ, мы горько измѣнили,
Другъ друга, какъ и всѣ, мы скоро разлюбили....

VI.

И смутно помню я любимыя черты,
Иныя мою грудь наполнили мечты;
Иные призраки летаютъ предо мною —
И часто я молюсь и плачу предъ другою....
Какъ я, давно, давно ужъ и она
Любовію другой, другимъ увлечена.

VII.

Но зрѣлыхъ лѣтъ печальная любовь
Не вѣдаетъ святыхъ, волшебно-ясныхъ сновъ:

Надежды смущены.... Въ нежданный часъ разлуки
Пылаетъ грудь огнемъ ревнивой, мрачной скуки—
И сердце, въ лучшій мигъ любви и наслажденья,
Боится хитрой лжи, измѣны и забвенья.

XV.

ПОЛНОЧНЫЯ ДУМЫ.

Пробилъ полночный часъ. Повсюду тишина.
Березы надъ прудомъ нависли безъ движенья.
Надъ ними плаваетъ холодная луна. . .
Все спитъ. . . . Свободный часъ тоски и размышленья.
И грустно мнѣ: зловѣщей вереницей
Въ груди кипятъ о прошлыхъ дняхъ мечты.
Въ обидной нищетѣ, въ позорѣ наготы,
Встаютъ минувшихъ лѣтъ тревоги, дни и лица,—
Печальный рядъ безсмысленныхъ волненій
Да заглушонный вопль сердечныхъ откровеній ...

На молодость безплодную мою,
Обиженный, гляжу съ безплодным сожалѣньемъ.
Безмолвна ночь. Ея дыханье пью,
Какъ сладкій ядъ, съ невольнымъ увлеченьемъ....
И безнадежная кипитъ въ груди тоска.
И все мрачнѣй упрека стонъ угрюмый.
И навѣваетъ все томительныя думы:
Какъ саванъ и мертвецъ, луна и облака,
Гиганты изъ паровъ надъ темными водами –
И боръ, не шепчущій столѣтними вѣтвями.

СТИХОТВОРЕНІЯ

1843 года.

II.

РАННЯЯ МОГИЛА.

(ПАМЯТИ НЕИЗВѢСТНОЙ ДѢВУШКИ.)

I.

Среди полей благоуханныхъ,
Вдали отъ свѣтской суеты,
Отъ раннихъ слезъ, отъ бѣдъ нежданныхъ,
Встрѣчала утро жизни ты.

Ты не блистала красотою:
Въ чаду баловъ и ихъ свѣтилъ
Никто не палъ бы предъ тобою
И слезъ восторга не пролилъ...

Блистала ты душой прекрасной,
Священной сердца полнотой,
Надеждой пламенной и ясной,
И вѣрой гордой и живой;

Блистала ты умомъ высокимъ,
Волшебной прелестью мечты
И чувствомъ нѣжнымъ и глубокимъ,
И тихимъ блескомъ простоты....

Но отъ подругъ и ихъ веселій,
Всегда таинственно-грустна,
Стремилась ты туда, гдѣ пѣли
Пустынный вѣтеръ да волна....

Любила ты полей молчанье,
Дубравъ въ часъ утра тихій шумъ,
Свѣтилъ полу́ночныхъ сіянье
Да сны заоблачные думъ.

Любила ты, отъ всѣхъ далеко,
Подъ сѣнью дремлющихъ дубовъ,

Глядѣть, задумавшись глубоко,
На рой летучихъ облаковъ;

Любила въ грусти непонятной,
Передъ лампадой, въ тишинѣ,
Молиться Дѣвѣ Благодатной —
Мечтать о лучшей сторонѣ;

Любила пламенные звуки:
Горя восторгомъ молодымъ,
Волшебно пѣли твои руки,
Носясь по клавишамъ роднымъ....

Такъ, средь полей благоуханныхъ,
Вдали отъ свѣтской суеты,
Отъ раннихъ слезъ, отъ бѣдъ нежданныхъ,
Встрѣчала утро жизни ты.

II.

Межъ тѣмъ, какъ водъ потокъ кипучій,
Кипѣлъ безумно пышный свѣтъ....

Въ немъ волновались жизни тучи,
Гремѣли злоба и привѣтъ:

Какъ вѣчно, люди клеветали,
Какъ вѣчно, идоловъ своихъ
Боготворили, проклинали,
Какъ вѣчно, жизнь томила ихъ; —

Какъ вѣчно, умъ, желанье, чувство
И страсть, и все было обманъ,
Притворства жалкое искусство,
Покровъ блестящій чорныхъ ранъ. . . .

Пробилъ твой часъ. . . . И въ буряхъ свѣта,
Какъ ясный день, явилась ты,
Съ душой исполненной привѣта
И вѣры гордой, и мечты:

Явилась ты невозмутима,
Чиста, какъ чистое дитя,
Счастливой жизнью не томима,
Умомъ и чувствомъ не шутя. . . .

Ты въ маскерадъ вошла безъ маски....
Законъ приличія возсталъ —
И свѣтъ язвительныя сказки
Тебѣ во слѣдъ залепеталъ....

Нашлись и судьи роковые,
Святоши въ жизненныхъ степяхъ,
Приличій куклы ледяныя,
Душой и сердцемъ мертвый прахъ.

Ихъ гнѣвно блещущіе взоры,
Безукоризненныхъ друзей
Ревниво-нѣжные укоры
И ядъ двусмысленныхъ рѣчей....

Увы!.... Въ отвѣтъ на оскорбленья,
На дерзкій шопотъ клеветы,
Холодно — гордаго презрѣнья
Не знала, кроткій ангелъ, ты:

Какъ лань, пронзенная стрѣлою,
Съ улыбкой грустной на устахъ,

Погасла тихо ты, безъ бою,
Какъ гаснутъ звѣзды въ небесахъ. . .

III.

И вотъ, въ обители пустынной,
Подъ сѣнью елей и березъ,
Гдѣ рядъ могилъ чернѣетъ длинной, —
Предметъ молитвъ и жаркихъ слезъ, —

Возстала ранняя могила. . . .
Въ ея холодной глубинѣ,
Неотмщена, ты опочила. . . .
Стою надъ ней, какъ въ смутномъ снѣ.

Еще такъ живы вспоминанья:
Твой милый образъ предо мной
Таковъ, какъ былъ во дни мечтанья,
Не тронутъ бурею земной.

Душа обижена глубоко. . . .
Но въ долго плакавшихъ очахъ

Нѣтъ слезъ горячаго потока —
И нѣтъ молитвы на устахъ. ...

И лить ли слезы сожалѣнья
О томъ, что ты, на утрѣ лѣтъ,
Взята въ тѣ лучшія селенья,
Гдѣ слезъ и бурь житейскихъ нѣтъ?

Просить ли праведнаго мщенья,
Суда небесныхъ, грозныхъ силъ
На міръ, такъ полный преступленья
И злобой вырытыхъ могилъ?

Кчему? .... Пускай свѣжа могила;
Пускай въ холодной глубинѣ
Она безвременно сокрыла,
Что такъ безцѣнно было мнѣ.

Надъ нею крестъ, символъ страданья,
Да мраморъ съ надписью святой;
А подлѣ храмъ — и въ немъ сіянье
Лампады свѣтло-золотой.

Здѣсь царство мира и покоя....
Кругомъ все полно тишины.
Здѣсь умираетъ все земное, –
Живутъ божественные сны....

Почій, дитя!.... Часъ пробужденья,
Часъ правой мести загремитъ —
И міръ, подъ ношей прегрѣшенья,
На Судъ Безгрѣшный поспѣшитъ:

Тамъ рядомъ станутъ — утомленный
И тотъ, кто жизнь, какъ пиръ, прожилъ,
И ангелъ, рано умерщвленный,
И тотъ, кто жизнь его убилъ....

III.

ОТЪѢЗДЪ.

ПУТНИКЪ.

Пошолъ, ямщикъ!.... А что за нами?

ЯМЩИКЪ.

Все виденъ барскій домъ
Съ балкономъ старымъ, съ флигелями,
Съ садами и съ прудомъ....

ПУТНИКЪ.

Пошолъ, пошолъ!... А на балконѣ
Стоитъ ли кто-нибудь?

ЯМЩИКЪ.

Стоитъ старушка въ балахонѣ
Да машетъ намъ на путь.

ПУТНИКЪ.

Пошолъ, пошолъ!.... А съ нею рядомъ?....

ЯМЩИКЪ.

Головушкой склонясь,
Она, красивая-то взглядомъ,
Что цаловала васъ
Вечоръ, въ саду; что такъ рыдала....
Я за плетнемъ сидѣлъ —
И заглянулъ.. . Да жалко стало:
Ужъ лучше бъ не глядѣлъ.

ПУТНИКЪ.

Ну легче, легче!.... Что жъ: рыдаетъ?
Печальна, какъ вечоръ?

ЯМЩИКЪ.

Нѣтъ: русы кудри отряхаетъ;
Какъ небо, свѣтелъ взоръ.

Вотъ въ садъ къ кому-то побѣжала....
Вотъ съ кѣмъ-то надъ прудомъ....

ПУТНИКЪ.

Пошолъ!.... Чтобъ тройка вся скакала.
Махай по всѣмъ-по тремъ!....

III.

НАПРАСНО.

Ты пробудила вновь уснувшія мечтанья,
И пробудила ихъ, быть можетъ, какъ дитя,
Задумчивый свой взоръ, такъ полный обаянья,
На мнѣ остановивъ безъ ласки, безъ вниманья,
Безъ цѣли и безъ думъ, такъ, можетъ быть, шутя. . . .

Напрасно. . . . Знала ль ты, что чутко спятъ желанья?
Что легковѣренъ я, что я и самъ дитя,
Что я безумныя еще люблю мечтанья,
Что я могу любить, любя безъ упованья —
И, полюбивъ, страдать глубоко, не шутя?

Напрасно. . . . Разумъ слабъ въ часы очарованья.
И,—пусть твой нѣжный взоръ меня ласкалъ, шутя,—
Въ груди моей кипятъ волшебныя мечтанья
И снится мнѣ твой взоръ, исполненный вниманья,
И сладкое «люблю» въ твоихъ устахъ, дитя. . . .

IV.

ВЕЗДѢ.

Взойдетъ ли свѣжій, ясный день,
Иль ляжетъ ночи тѣнь;
Шумитъ ли вихрь, вздымая прахъ,
Иль звука нѣтъ въ поляхъ;

Толпа ли, полная огня,
Кипитъ вокругъ меня;
Иль посреди пустыхъ долинъ
Я прохожу одинъ; —

Вездѣ твой образъ предо мной,
Вездѣ я полнъ тобой:
При всѣхъ — страдаю и терплю,
А втайнѣ — слезы лью....

V.

СВѢТСКАЯ ДѢВУШКА.

I.

Она росла не средь безлюдныхъ,
Родныхъ дубровъ ,
Не въ свѣтломъ царствѣ изумрудныхъ ,
Живыхъ луговъ ; —

Не тамъ, гдѣ вольно льются воды ,
Гдѣ небосклонъ
Сіяньемъ мира и свободы
Весь озаренъ. . . .

Надъ ней не плавала волшебно
Въ полнóчь луна ,

Не навѣвала ей цѣлебно
Святаго сна.

Надъ опочившей колыбелью,
Передъ зарей,
Не разсыпался чудной трелью
Пѣвецъ лѣсной.

Не кругъ полей въ часъ утра нѣжный,
Не тихій боръ
Встрѣчалъ ребенка безмятежный,
Веселый взоръ:

Встрѣчалъ онъ башни да чертоги,
Гдѣ шумъ и звонъ,
Гдѣ грустный пиръ людской тревоги,
Гдѣ горекъ сонъ. . . .

II.

Подъ лепетъ шумнаго привѣта,
Она росла

Въ чаду пустыхъ волненій свѣта,
Въ немъ и цвѣла:

Срывала много съ наслажденій
Колючихъ розъ —
И увядала отъ лишеній,
Отъ раннихъ слезъ. . . .

И раннихъ бурь огонь безплодный,
Во цвѣтѣ лѣтъ,
На ней оставилъ свой холодный,
Свой мертвый слѣдъ:

Какъ мраморъ, блѣденъ ликъ прекрасный,
Печаленъ взглядъ,
И рѣчи нѣгой сладострастной
Ужъ не звучатъ;

Ея улыбка и движенья
Горятъ огнемъ
Глубокой грусти сожалѣнья,
Богъ вѣсть, о чемъ;

Развитыхъ персей не волнуетъ
Жаръ юныхъ силъ....
Но душу видъ ея чаруетъ,
Хоть и унылъ.

III.

Какъ вечеръ лѣта ясно-темной,
Какъ лунный лучь,
Горящій сладостно и томно
И изъ-подъ тучь, —

Красой печальной и раздумной
Она плѣнитъ
Твой разумъ, юноша безумной,
И возмутитъ ...

Но чистый жаръ души тревожной
Предъ ней таи́:
Пылать, какъ ты, ей невозможно
Отъ мукъ любви....

Она не броситъ взглядъ суровой
Тебѣ въ отвѣтъ
И гордаго не скажетъ слова
На твой привѣтъ; —

Она поникнетъ молчаливо,
Она вздохнетъ
И, можетъ быть, какъ ты, стыдливо
« Люблю » шепнетъ.

Но ты не вѣрь: въ ней сердце праздно,
Жизнь передъ ней
Лежитъ, какъ степь однообразно, —
И скучно ей. . . .

VI.

ПАМЯТИ А. К. ФОНЪ-Л.

I.

Волнуемъ грустною тревогой вспоминаній,
Надъ свѣжей насыпью, гдѣ милый прахъ лежитъ,
Недвижимъ я стою.... Какъ много ожиданій,
Какъ много свѣтлыхъ думъ и пламенныхъ мечтаній
Погасло въ цвѣтѣ лѣтъ иль, Богъ вѣсть гдѣ, паритъ!...
Еще ты предо мной, какъ милое видѣнье; —
А, между тѣмъ, я помню грустный звонъ,
Бряцаніе кадилъ, пронзительное пѣнье
И храмъ, и гробъ, и плачъ со всѣхъ сторонъ,

И ельникъ молодой посереди дороги,
И чорные плащи, и рядъ свѣчей, и дроги —

II.

И уже нѣтъ тебя!.... Но ропотъ сожалѣнья,
Но мрачныхъ думъ и слезъ печально-сладкій ядъ
О томъ, что ты взята въ загробныя селенья
Въ тѣ дни, когда цвѣтутъ и жизнь и наслажденья,
Быть можетъ, юный прахъ обидно возмутятъ....
Кто дастъ отвѣтъ: средь бурь неотразимыхъ,
На дикомъ пиршествѣ житейской суеты
На долго ли тебя миръ дней невозмутимыхъ,
Лелѣялъ, полный весь веселій и мечты,
Иль дней твоихъ зарю ужъ мрачно ожидали —
Утраты, горечь слезъ да смутныя печали?....

III.

Ты не вступала въ храмъ житейскихъ наслаж-
деній:
Росла ты далеко отъ свѣта и людей,

От сладкихъ жизни сновъ и горькихъ пробуж-
деній,
Подъ шопотъ пламенный таинственныхъ видѣній,
Средь мирной тишины деревни и полей.
И разцвѣтала ты безпечна и прекрасна,
Прекрасна чистою душою, полной думъ:
Горѣли ярко въ ней и жаръ надежды ясной
И чувства полнота, и безмятежный умъ.....
Тебя грядущее, какъ таинство, манило —
И утро лѣтъ твоихъ блистательно всходило.

VI.

Но молодыхъ забавъ ты дико убѣгала:
При звукахъ радостныхъ и плясокъ и рѣчей
Печальный видъ ты гордо сохраняла,
Иль, головой склонясь, томилась и страдала,
Какъ въ чашѣ золотой свободный цвѣтъ полей....
Любила ты дубравъ священное молчанье,
Таинственную сѣнь развѣсистыхъ дубовъ,
Серебряной луны въ часъ полночи сіянье,
Разливъ пустынныхъ водъ у спящихъ береговъ

И дремлющій туманъ, и тамъ, межъ облаками,
Безбрежіе небесъ, усѣянныхъ звѣздами.

V.

Ты рождена была для наслажденій мирныхъ,
Давно осмѣянныхъ бездушною толпой:
Ты сладко плакала подъ звуки пѣсенъ лирныхъ,
Неслась за облакомъ въ его путяхъ эфирныхъ,
Молилась, какъ дитя, предъ Дѣвою Святой.
Душою ясною не вѣдая сомнѣній,
Ты гордо вѣрила въ загробныя края,
Ты вѣрила,что жизнь-обитель заблужденій,
Что лишь для вѣчности жила душа твоя, —
Ты вѣрила всему, чему нашъ умъ не вѣритъ,
Иль, смутно вѣруя, предъ сердцемъ лицемѣритъ. . .

VI.

И часто, въ тихій часъ, въ часъ утра безмятежной,
Когда пустыхъ небесъ въ пространствѣ голубомъ

Таинственно горитъ разсвѣта пурпуръ нѣжной
И сладко спитъ туманъ надъ рощею прибрежной,—
По рощамъ и полямъ бродили мы вдвоемъ.
И говорила ты о волшебствѣ мечтаній,
О свѣтлой тишинѣ безоблачной души,
О лучшей сторонѣ, о силѣ упованій,
О сладкихъ сердца снахъ, взлелѣянныхъ въ тиши—
И торжество надеждъ въ твоихъ очахъ сіяло.
И молодая грудь восторгомъ трепетала ..

VII.

И ты перенесла за край твоей могилы—
Мечтаній золотыхъ невозмущонный рой,
Младенческой души восторженныя силы
И правдой зрѣлыхъ лѣтъ, суровой и унылой,
Неохлажденный жаръ надежды молодой.
Въ объятьяхъ пламенныхъ свирѣпаго недуга,
Для многихъ роковой, для многихъ страшный часъ,
Ты мирно встрѣтила, какъ взглядъ, иль ласку друга
И, улыбаяся, ты покидала насъ:

Безоблачной душѣ безоблачная совѣсть
Читала ясную мгновенной жизни повѣсть.

VIII.

Твои уста сомкнулись безъ упрека;
Твой взоръ погасъ безъ ядовитыхъ слезъ.
Прекрасная душа была уже далеко,—
Но дѣвою живой, уснувшею глубоко,
Казалось ты, въ вѣнкѣ изъ бѣлыхъ розъ.
Прозрачныя черты спокойствіемъ дышали;
По молодымъ плечамъ, какъ въ безмятежномъ снѣ,
Развившись, двѣ косы свободно ниспадали,—
Лишь блѣдный ликъ сіялъ въ нездѣшней тишинѣ
И полонъ былъ того святаго выраженья,
Котораго для насъ невѣдомо значенье....

IX.

Что жъ?... Иль жалѣть о томъ, что въ этой грустной сказкѣ,
Которую мы жизнію зовемъ,

Не прочитала ты ея пустой развязки,
Что съ свѣтлыхъ сновъ души ихъ свѣтозарной маски
Еще не сорвала, какъ мы ее сорвемъ?
Что сердцемъ и душой ни въ чемъ не обманувшись,
Не разувѣрившись болѣзненно ни въ чемъ,
Ни передъ чѣмъ земнымъ еще не содрогнувшись,
Ужъ опочила ты блаженнымъ, вѣчнымъ сномъ—
И не страдала здѣсь, какъ всѣ мы здѣсь страдаемъ,
Не проливала слезъ, какъ мы ихъ проливаемъ?...

X.

Подъ мирной сѣнью липъ, березъ и темныхъ елей
Твой юный прахъ отъ позднихъ бурь сокрытъ.
Кругомъ поля. Въ нихъ слышенъ звукъ свирѣлей
Да пѣсни по-зарѣ, да соловьиныхъ трелей —
И майскій горизонтъ надъ рощею горитъ.

Вся жизнь твоя прошла, какъ свѣтлое видѣнье—
И не смущонъ ни чѣмъ твой бездыханный сонъ. . .
И не смутится онъ слезами сожалѣнья :
Въ благоговѣйную молитву погружонъ ,
Колѣна преклонивъ надъ раннею могилой,
И вѣры и надеждъ я полонъ чудной силой.

XI.

Почій, родная тѣнь, до утра пробужденья ! . . .
И,— если голосъ нашъ доходитъ въ тѣ края,
Въ тѣ безмятежныя, блаженныя селенья ,
Гдѣ духъ безсмертныя вкушаетъ наслажденья
И гдѣ таинственно живетъ душа твоя , —
За всѣ отрадныя и свѣтлыя мгновенья ,
За всѣ твоей душой согрѣтыя мечты ,
Прими обильныя того благодаренья,
Съ кѣмъ нѣжно, объ-руку, шла въ этой жизни ты,
Кого любила ты любовію святою ,
Кто гордо звалъ тебя и другомъ и сестрою. . .

VII.

НЕЗНАКОМКѢ.

Я знаю, что люблю вотще, безъ упованья,
Что о моей любви не знаешь ты,
Что для тебя мои вседневныя желанья —
Несчастный бредъ, иль дерзкія мечты;

Я знаю, что мои святыя ощущенья,
Какъ безъ надеждъ горятъ теперь въ крови,-
Такъ и погаснутъ въ ней навѣкъ, безъ раздѣленья,
Безъ сладкихъ дней увѣнчанной любви;

Я знаю, что за мигъ восторговъ безразсудныхъ,
Когда нибудь, я горько заплачу
Печалью многихъ дней, томительныхъ и трудныхъ; —
Все знаю я.... И все любить хочу.

Тобой любимымъ быть я не имѣю права.
Не смѣю пасть съ мольбой у милыхъ ногъ:
Безумную любовь осудитъ міръ лукавой —
И ты сама.... Но не осудитъ Богъ.

За что?.... Я не прошу ни ласки, ни вниманья:
Я не могу о нихъ тебя просить.
Мнѣ суждено любить для одного страданья,
Для слезъ и мукъ, но искренно любить....

Встрѣчались мы съ тобой, какъ двѣ волны, случайно, —
И разошлись, какъ волны въ безднѣ водъ....
Кто ты? и гдѣ теперь? сойдемся ль вновь? — мнѣ тайна;
И мракъ ея, быть можетъ, не падетъ.

На память нашихъ встрѣчъ, какъ радость мимолетныхъ,
Не знаю я, хранитъ ли твоя грудь
Хоть легкую печаль при думахъ беззаботныхъ
Иль томный жаръ, иль вздохъ, иль что нибудь....

Но живо помню я съ тобой нѣмыя встрѣчи:
Твой стройный станъ, младенческій нарядъ
И пышный токъ кудрей, струившихся на плечи,
И нѣжный твой, раздумья полный взглядъ.

И часто, какъ дитя, я по тебѣ тоскую,
Безплодныя обильно слезы лью
И тѣнь твою зову, — безумецъ,— какъ родную
И гордо ей всю душу отдаю....

И, пусть свершится то, что небесамъ угодно,
Пусть много мукъ, вотще я потерплю,—
На трудный путь любви я выхожу свободно
И ропотомъ ее не оскорблю.

VIII.

Подъ тѣнью сѣверныхъ дубовъ,
У мрачныхъ береговъ,
Въ нѣмыя думы погруженъ,
Я видѣлъ чудный сонъ:

Въ иной, далекой сторонѣ,
У рощи, при лунѣ, —
Сидѣлъ я съ ней, рука съ рукой,
Надъ бездною морской....

Сіяла ночь, ясна, какъ день,
Была прозрачна тѣнь·

Лилъ запахъ сладостный лимонъ -
И длился чудный сонъ:

То вся пылая, то блѣдна,
Потупивъ взоръ, она
Мнѣ говорила про любовь. . . .
Значенье нѣжныхъ словъ —

Я нѣжнымъ сердцемъ понималъ,
Я слезы проливалъ,
Какія мы не часто льемъ —
И райскими зовемъ.

Все было тихо. . . . Шопотъ волнъ
Былъ сладкой нѣги полнъ;
Дремалъ душистый рядъ оливъ,
Вершины преклонивъ.

И изъ-за нихъ луны алмазъ
Сверкалъ и томно гасъ.
И былъ я счастьемъ упоенъ —
И длился чудный сонъ. . . .

А, между тѣмъ, ряды дубовъ
У мрачныхъ береговъ,
Треща подъ сѣверной грозой,
Шумѣли надо мной.

И было пусто все кругомъ,
Какъ въ склепѣ гробовомъ,
И та, что сердцу такъ мила, —
Богъ знаетъ, гдѣ была....

IX.

ВЪ СТОЛИЦѢ.

(ПЕРЕДЪ ОТЪѢЗДОМЪ).

Прочь, прочь отъ нихъ, отъ этихъ душныхъ стѣнъ,
От этой пустоты блистательной неволи
Гдѣ сердце бѣдное влачитъ постыдный плѣнъ
Въ чаду вседневной лжи, вседневныхъ перемѣнъ,
Въ цѣпяхъ окованной приличіями воли.

Прочь, прочь отъ нихъ, отъ мраморныхъ палатъ,
Отъ пиршествъ и забавъ ликующей столицы,
Гдѣ умъ, взволнованный печалями утратъ,

Лишь холодомъ тоски да клеветой богатъ,
Гдѣ какъ ничтожна быль, такъ горьки небылицы.

Да! прочь отъ нихъ, отъ этихъ грустныхъ дней,
Такъ полныхъ нищеты, безумства, иль порока
Да раннимъ опытомъ въ святой веснѣ своей
Развѣнчанныхъ надеждъ, осмѣянныхъ страстей
И чувствъ обиженныхъ такъ дерзко, такъ глубоко...

Туда, опять туда— въ пустынные края ,
Въ ихъ безмятежныя, безмолвныя дубровы,—
Туда, гдѣ мирно спятъ родимыя поля,
Которыя давно, такъ гордо бросилъ я
Для шумной суеты, для жизни сердца новой.

Туда, опять туда— на свѣтлый пиръ природы,
Туда, гдѣ голубыхъ небесъ блеститъ шатеръ
И льетъ въ живыхъ лучахъ волшебный блескъ свободы
На цѣпь зеленыхъ горъ, на дѣвственныя воды
И на глядящійся въ нихъ лоно темный боръ.

Туда, гдѣ, пробужденъ безоблачной зарею,
Я въ этотъ темный боръ, какъ прежде, побреду
Заслушаюсь ручьевъ, шумящихъ надъ травою,
Забудусь средь степей, покрытыхъ синей мглою,
И загляжусь опять на тихую звѣзду. . . .

Туда! . . . Здѣсь ничего для сердца не обрѣлъ я,
Иль въ часъ обрѣтенья, безъ грусти потерялъ,
Ни съ кѣмъ ни думъ, ни чувствъ союза здѣсь не свёлъ я;
Ни съ кѣмъ здѣсь, объ-руку, какъ нѣжный другъ, не шолъ я;
На память здѣсь никто мнѣ ничего не далъ. . .

Да и кчему? . . . . И что̀ мнѣ въ этомъ свѣтѣ,—
Въ его вниманіи, такъ полномъ клеветой,
Шипящей, какъ змѣя, и въ злобѣ и въ привѣтѣ,
Въ его на жаръ души безжизненномъ отвѣтѣ,
Съ его безсмысленной и дружбой и враждой?

Кчему? . . . . Спокойно я бѣгу отъ этихъ стѣнъ —
И не кипятъ въ груди ни грусть, ни сожалѣнье:

Я уношу отъ нихъ лишь жажду перемѣнъ
Да гордымъ и пустымъ тревогамъ ихъ въ обмѣнъ—
Одно холодное и гордое презрѣнье.

X.

ВЪ ТОЛПАХЪ.

I.

Въ толпахъ, отмѣченныхъ глухимъ клеймомъ
порока,
Такъ оскорбительно безсильныхъ въ цвѣтѣ силъ,
Иль жизни пустотой обиженныхъ глубоко,
Брожу я иногда, безъ грусти, одиноко,
Какъ на развалинахъ невѣдомыхъ могилъ:
Въ чертахъ холодныхъ лицъ, страстями иска-
жонныхъ,
Безъ сожалѣнія привыкъ ужъ я читать
Сказанье вѣчное желаній пресыщонныхъ,
Иль падшихъ силъ души кровавую печать,—

Неизгладимый слѣдъ обманутыхъ стремленій,
Вседневныхъ сердца ранъ, утратъ и преступле-
ній. . .

II.

Что̀ мнѣ до нихъ? И что̀ имъ сожалѣнье,
Иль безкорыстнаго участья нѣжный взоръ?
Быть можетъ, дерзкое того разоблаченье,
Что мрачной пеленой покрыло ужъ забвенье, —
Нѣмой, но, можетъ быть, язвительный урокъ...
Дерзну ль?. . . И для чего?... Мнѣ эти люди чужды:
Я съ ними ни утратъ, ни счастья не дѣлилъ,
Въ любви и въ дружбѣ ихъ мнѣ не бывало нужды,-
И я имъ никогда, ни въ чемъ не нуженъ былъ...
Да, я брожу межъ нихъ — и грудь моя свободна
Отъ состраданія и грусти благородной.

III.

Но, если между нихъ внезапно встрѣчу я
Еще веселое, счастливое созданье,
Съ очами полными надежды и огня, —

Невольная печаль томитъ уже меня
И нѣжное въ груди пылаетъ состраданье.
Не знаю почему, но быстро, всей душой
Я предаюсь счастливому творенью;
На свѣтлый его ликъ смотрю, какъ на родной,
Далекій отъ страстей, но близкій ихъ гоненью. . . .
Воображенье онъ томительно чаруетъ
И, Боже, сколько въ немъ печальныхъ думъ бу-
шуетъ!

IV.

Я думаю:» дитя! гдѣ дней твоихъ развязка?
Взгляни: вокругъ тебя толпы холодныхъ лицъ...
И имъ вѣдь снилась жизнь, какъ пламенная
сказка
И съ ихъ волшебныхъ сновъ вѣдь сòрвана жъ
повязка!
Кто, вживѣ, между нихъ, — не мертвый трупъ
гробницъ? . . . .
Грядущее твое, какъ день, свѣтлò и ясно. . . .
Но, часъ пробьетъ, — померкнетъ его свѣтъ —

И станешь ты, какъ всѣ, такъ грустно, такъ напрасно
Взывать къ тому, чего давно ужъ нѣтъ
Да слезы лить о томъ, что такъ недавно было —
И безъ слѣда прошло, иль горько измѣнило.»

V.

И все сильнѣй, сильнѣй невольная печаль,
И все мрачнѣй печальныя мечтанья;
Ребенка милаго все больше сердцу жаль:
Я блѣденъ, я угрюмъ, я болѣнъ и едва ль,
Я плакать не готовъ .. Безплодныя страданья!
Въ тотъ мигъ, когда хочу шепнуть ему:» назадъ.»
И дружбы и любви подать на помощь руку,—
Толпы, его обнявъ, уносятъ и шумятъ —
И съ нимъ я осужденъ на долгую разлуку,
До тѣхъ поръ, можетъ быть, пока, при встрѣчѣ новой,
Въ немъ встрѣчу новый трупъ, живой, но тлѣть готовой. . .

XI.

Явись въ послѣдній разъ,
Волшебное созданье,
Явись на краткій часъ,
На долгое прощанье....

Хотѣлъ бы я сказать,
Готовый на разлуку,
«Прости» иль, хоть пожать
Твою безмолвно руку.

Хотѣлъ бы душу я
Наполнить вновь тобою—
И въ дальніе края
Унесть тебя съ собою.

Чтобъ чудный образъ твой,
Душѣ родной и милый,
Повсюду былъ со мной,
То ясный, то унылый:

Чтобъ въ тихій часъ ночной,
Надъ спящими полями,
Во мглѣ небесъ нѣмой
Сіялъ онъ со звѣздами;

Чтобъ въ блѣдной онъ лунѣ
Мнѣ, томноблѣдный, снился;
Въ подводной глубинѣ,
Какъ водный духъ, носился;

Предъ утренней порой,
Меня чтобъ пробуждалъ онъ —
И съ свѣжею зарей
Въ окно мое дышалъ онъ

А, въ полдень знойной, онъ,
Въ дубравѣ благовонной,

Мнѣ навѣвалъ бы сонъ,
Махая липой сонной, —

И блескъ твоихъ очей
Сверкалъ бы межъ вѣтвями,
И звукъ твоихъ рѣчей
Мнѣ пѣлъ бы съ соловьями....

XII.

За днями дни и годы за годами
Стремительно летятъ....
Бѣжишь впередъ съ безумными мечтами —
И не глядишь назадъ.

Да и кчему?.... Отъ прежнихъ ощущеній
Не встрѣтишь и слѣда....
А тамъ, вдали, все свѣтлый рой видѣній
И все зоветъ туда, —

Туда, впередъ, гдѣ жизнь горитъ такъ ясно,
Не такъ, какъ за тобой,
И гдѣ, чрезъ мигъ,— все будетъ такъ безгласно,
Такъ полно мрачной мглой. . . .

XIII.

НЕИЗВѢСТНОСТЬ.

I.

Передъ тобой, безпечной и прекрасной,
Задумавшись, стою:
Хочу въ лучахъ твоей улыбки ясной
Прочесть судьбу мою....
Люблю тебя, люблю, чудесное созданье; —
Но душу грустное тревожитъ вспоминанье:

II.

Я помню ликъ, такой же ликъ спокойный,
Такой же ясный взоръ,

Такой же станъ, и дѣвственный и стройный,
И взоровъ разговоръ,
И дни, когда, безъ словъ, передъ другой стоялъ я,
Когда, какъ и теперь, любилъ и тосковалъ я....

III.

И ихъ ужъ нѣтъ, тѣхъ дней невозвратимыхъ:
Прошли, — и безъ слѣда,
Какъ облаковъ гряда неуловимыхъ,
Какъ падшая звѣзда....
Ужели и теперь пройдетъ все мимолетно?
Ужель?.... А ты глядишь, глядишь такъ безъ-
заботно.

XIV.

Крылатыхъ лѣтъ стремительный потокъ
Меня давно въ свой бурный зѣвъ увлекъ —
И въ немъ, какъ лучъ, я все впередъ несусь,
Какъ вихрь въ степяхъ, безсмысленно кружусь. . . .

И какъ далекъ, какъ я далекъ отъ нихъ,
Отъ юныхъ дней, дней жизни золотыхъ!
И каждый мигъ хладѣющая грудь
Еще, какъ гробъ, хоронитъ что нибудь! . . . .

Что жъ не кипитъ въ моей душѣ печаль?
Что жъ ничего погибшаго не жаль?
Иль мало чувствъ святыхъ я схоронилъ?
Иль мало думъ любимыхъ разлюбилъ?

Иль плодъ всего утраченнаго мной —
И думъ, и чувствъ безжизненный покой
Да горькій смѣхъ, нѣмой, но злой укоръ, —
Тревогъ души безсмысленныхъ позоръ?....

XV.

У АЛТАРЯ.

Отецъ моей души! Я грѣшенъ предъ Тобой
Всѣмъ существомъ моимъ, и злобнымъ и коварнымъ,
Всѣмъ бытіемъ:– и тѣломъ, и душой,
И сердцемъ, и умомъ, какъ тать неблагодарнымъ....

Я знаю, что Тобой и для Тебя живу я,
Что на землѣ ношу я образъ Твой,
Что, вышедъ изъ Тебя, къ Тебѣ опять приду я,
Каковъ былъ въ оны дни, въ дни жизни неземной.

Я знаю, что тогда Ты дашь вопросъ державный:
«Какъ жилъ? Что дѣлалъ ты? Сберегъ ли образъ Мой,
Иль осквернилъ его одѣждою безславной —
Развратомъ, злобою, гордыней, клеветой?»

Я знаю, что его постыдно осквернилъ я;
Что отъ пеленъ до сихъ поръ предъ Тобой
Изъ всѣхъ Твоихъ рабовъ въ подлунной жизни былъ я —
Послѣдній рабъ, порочнѣйшій и злой;

Я знаю, что мои преступныя дѣянья
Не разъ смущали духъ невозмутимый Твой,
Что безконечное, Твое лишь ожиданье
Не пресѣкало ихъ небесною грозой....

Ты ждалъ, Ты долго ждалъ.... И ждалъ Ты покаянья.
Не лепеталъ его языкъ лукавый мой....
А, между тѣмъ, мои грѣхи и злодѣянья,
Какъ туча мрачная, скопились надо мной.

И въ этотъ часъ, торжественно-высокой, —
Когда во прахѣ я поверженъ предъ Тобой , —
Взываю я къ Тебѣ не чистой, не глубокой,
Не покаянія молитвою святой :

Дерзну ль ? . . . Мой разумъ слабъ, моя невольна воля —
И, отъ желѣзныхъ плитъ поднявшись головой,
Я знаю, что опять, какъ пухъ въ пространствахъ поля,
Я бурно закружусь въ пучинѣ бурь земной. . . .

Я знаю, что мои преступныя дѣянья
Смутятъ опять духъ безмятежный Твой. . . .
Но я не вѣдаю : какъ долги ожиданья ? —
Промедлишь ли еще державною грозой ? . . . .

Творецъ ! Я не прошу всещедраго прощенья :
Уста не имутъ словъ о немъ Тебя просить. . . .
Нѣтъ, — я молю Тебя: помедли часомъ мщенья—
И о моихъ грѣхахъ дай срокъ мнѣ слезы лить.

XVI.

ВОСПОМИНАНІЯ.

Въ душѣ, утратившей давно
Жаръ юношескихъ лѣтъ ,
Воспоминаніе темнò —
И сожалѣній нѣтъ :

Преданья жизни молодой ,
Какъ сказки, наизусть,
Лепечетъ сердцу умъ сухой ,
Не пламенная грусть.

И блѣдной памяти смѣшонъ
Когда-то чудный міръ,

Какъ бѣдняку лукавый сонъ
Про золото и пиръ. . . .

Но въ грустный часъ, въ тяжелый часъ,
Въ тотъ часъ, какъ жизнь томитъ, —
Бывалыхъ дней внимая гласъ,
Душа о нихъ скорбитъ.

Тогда, какъ звонкая струна,
Подъ мощною рукой,
На все погибшее она
Звукъ издаетъ живой —

И, трепеща, летитъ опять
Въ міръ чудный, безъ границъ,
Бывалой жизнью подышать
Въ кругу знакомыхъ лицъ. . . .

И въ прежнихъ блескѣ снятся ей:
И первая любовь,
И первый жаръ ея страстей, —
Все, чѣмъ не жить ей вновь.

XVII.

Межъ лицъ изнуренныхъ
Безумствомъ житейскихъ волненій
И ихъ пресыщенныхъ,
То грустныхъ, то злыхъ выраженій;

Средь дикаго шума
Ихъ ложной и пошлой забавы,
Свободная дума
Томится, какъ цвѣтъ внѣ дубравы:

И лица, и звуки
Звучатъ безразлично и блещутъ;

От встрѣчъ, отъ разлуки
Ни сердце, ни мысль не трепещутъ....

Глядишь – и не видишь,
Иль призраки видишь нѣмые;
Любя, ненавидишь,
Иль любишь, но годы иные.

И грустный, и блѣдный,
Стоишь средь толпы одиноко —
И, съ мыслію бѣдной,
Ты, сердце, далѐко, далѐко....

XVIII.

I.

Нѣтъ, не хотѣлъ бы я оставить этотъ свѣтъ
И, бросивъ тлѣнный прахъ подъ тлѣнною землею,
Перелетѣть туда, гдѣ смертной жизни нѣтъ,
Гдѣ вѣчно мы живемъ безсмертною душою....

II.

Не потому, чтобъ эту жизнь любилъ я
И, что она, подъ-часъ, лелѣяла меня;

Не потому, что еще мало жилъ я,
Что грудь моя полна и жизни и огня;

III.

Не потому, что было бъ сердцу больно
Въ тотъ мигъ, когда его свѣтъ чистый озаритъ,
Забыть, а, можетъ быть, и осмѣять невольно
Все, что оно теперь такъ любитъ, такъ хранитъ:

IV.

И здѣсь оно вѣдь любитъ мимолетно;
И здѣсь оно, какъ пасть нѣмыхъ гробовъ,
Хоронитъ каждый день, хоронитъ беззаботно
И лучшія мечты, и вѣру, и любовь....

V.

Но потому, что въ немъ святыя есть волненья,
Что чувства вѣчныя, безсмертныя есть въ немъ,
Которымъ нѣтъ предѣла и забвенья,
Которымъ не заснуть холоднымъ, мертвымъ сномъ;

VI.

Что въ часъ, когда мой духъ парилъ бы равнодушно,
Земное все забывъ, къ небесной сторонѣ, —
О многомъ бы оно грустило простодушно
И долго билось бы въ живомъ, горячемъ снѣ....

XIX.

ДВѢ ЗВѢЗДЫ.

Съ тѣхъ дней, какъ ночь на небѣ есть
И звѣздъ не перечесть,
Двѣ плыли рядомъ съ той поры,
Какъ двѣ родныхъ сестры:

Сливались вмѣстѣ ихъ лучи,
Въ тмѣ голубой ночи;
Казалось даже иногда,
Что ихъ — одна звѣзда;

Ихъ разомъ вечеръ зажигалъ,
Часъ утра погашалъ —

И свыклись нѣжно межъ собой
Звѣзда съ другой звѣздой. . . .

Но вдругъ, средь полночи, одна,
Какъ листъ потрясена,
Тревожно бросивъ яркій лучь,
Помчалась между тучь. . . .

Куда? на долго ль? для чего? —
Не знаетъ ничего
Звѣзда другая; а за ней
Летѣть — нѣтъ власти ей.

Дрожа, глядитъ она во слѣдъ;
Но и слѣдовъ ужъ нѣтъ, —
Лишь тамъ, гдѣ только что плыла,
Чернѣй ночная мгла. . . .

И хоть бы тихое «прости»
Шепнула на пути,
Иль хоть бы бросила назадъ
Безмолвный, нѣжный взглядъ!

Нѣтъ: унеслась, такъ далеко,
И быстро и легко,—
Какъ будто нѣтъ, кого терять
И нѣтъ, по комъ страдать!....

Съ тѣхъ поръ, межъ звѣздъ плыветъ одна,
Уныла и блѣдна,
Да вспоминаетъ все о томъ,
Когда плыла вдвоемъ....

И грустно, грустно ей, одной,
Въ тмѣ ночи голубой:
Печаленъ мракъ, тяжелъ эфиръ—
И пустъ весь Божій міръ.

Звѣздами полонъ небосводъ,
Но блескъ ихъ ужъ не тотъ:
Въ волнахъ лучей ихъ золотыхъ—
Ужъ нѣтъ лучей родныхъ!...

XX.

УБѢЖДЕНІЕ.

Межъ насъ законъ толпы холодной
Свои холодныя преграды положилъ; —
Но чувствъ сердечныхъ жаръ свободной
Нигдѣ и никогда, ни чьимъ рабомъ не былъ...

Ты разцвѣла не въ пышномъ свѣтѣ,
Не въ золотыхъ стѣнахъ его блестящихъ залъ; —
Но юныхъ лѣтъ въ роскошномъ цвѣтѣ
Любить не онъ, а Богъ святое право далъ.

И, такъ свѣжа, такъ свѣтлоока, —
Свободы и полей хранишь ты лучшій даръ —

Даръ сердцемъ жить, и жить глубоко,
И не таить, какъ грѣхъ, любви и чувства жаръ....

Я выросъ въ ней, въ толпѣ бездушной,
Но на̀ душу мою оковъ не налагалъ:
Любилъ и вѣрилъ простодушно —
И рабство думъ и чувствъ свободно презиралъ....

И вотъ, мы встрѣтились съ тобою.
Зажогъ огонь любви знакомыя сердца....
Иль не обнимешься со мною,
Но, трепеща, пойдешь на пошлый судъ глупца?

Нѣтъ, вижу: будешь ты моею,
Моей всегда и вся.... И буду я твоимъ,
Твоимъ, и весь — и не сробѣю
Ни предъ судомъ толпы, ни предъ Судомъ Инымъ.

XXI.

МЕЛОДІЯ.

(Подражаніе Байрону).

Ко мнѣ, пѣвецъ!.... Душа моя больна,
Какъ въ осень ночь, мрачна....
Ко мнѣ: ударь могучею рукой
По арфѣ золотой.

Скорѣй: я жду.... Съ волшебныхъ струнъ сорви
Пѣснь мира и любви,
Чтобъ, внемля ей, забылся снова я —
И плакалъ, какъ дитя....

Скорѣй!.. Иль нѣтъ. Мнѣ горекъ мирный звукъ:
        Въ груди такъ много мукъ....
Пусть, какъ и мой, твой будетъ мраченъ ликъ,—
        Твой гимнъ — какъ буря, дикъ.

Мнѣ слезъ, пѣвецъ!.... Я ихъ давно не лью
        И такъ давно терплю,
Что ужъ нѣтъ силъ: вся грудь напряжена —
        И лопнетъ, какъ струна....

XXII.

СУТКИ НА СВОБОДѢ.

I.

Одинокій, пустыми полями
И лѣсами я тайно бродилъ —
И печально моими шагами
Тишину ихъ нѣмую будилъ:

Какъ безумный, боялся я встрѣчи,
Трепеталъ и своихъ и чужихъ;
Какъ дикарь, я скрывался отъ рѣчи,
Отъ привѣта и взоровъ людскихъ....

Далеко убѣжать мнѣ желалось
Отъ друзей, отъ родныхъ, отъ себя, —
Для того, что душа отрекалась
Ненавидѣть, такъ нѣжно любя;

Для того, что межъ нихъ было стыдно,
Что былъ ложенъ привѣтъ ихъ и взоръ,
Что ихъ дружба была такъ обидна,
А любовь — чувствъ и сердца позоръ;

Для того, что ужъ не было силы
Клевету и обманы сносить —
И въ глуши, какъ въ объятьяхъ могилы,
Я хотѣлъ отдохнуть и ожить....

II.

И, какъ рабъ, тайно сбросившій цѣпи,
Отъ людей и отъ шума, тайкомъ,
Побѣжалъ я въ безлюдныя степи,
Гдѣ лишь небо да воля кругомъ...

Побѣжалъ я, когда молодая
Въ небосклонѣ дышала заря,
То востокъ, то закатъ освѣщая,
И румянцемъ, какъ дѣва, горя.

Широко, на безбрежномъ просторѣ,
Подъ туманомъ, въ лучахъ голубыхъ,
Разстилалися степи, какъ море,
Океаномъ цвѣтовъ золотыхъ.

Надъ душистой равниной, высоко,
Хоръ воздушныхъ, незримыхъ пѣвцовъ
Въ тишинѣ разносился далеко —
До далекихъ, пустынныхъ дубровъ....

Я все шолъ черезъ пышное поле....
Просіялъ омрачонный мой взоръ;
Разыгралась въ груди моей воля....
Я все шолъ — и зашолъ въ темный боръ.

III.

Здѣсь, въ тѣни полусвѣта печальной,
Величавую думу храня,

Все молчало, какъ вѣчная тайна,
Все, какъ тайна, манило меня....

Надо мною, какъ братья, сплетались
Благовонныя вѣтви дерёвъ;
Къ нимъ на плечи ихъ дѣды склонялись,
Иль лежали на зелени мховъ.

Между нихъ, по сѣдому оврагу,
Тихо лился прозрачный ручей,
Разсыпая алмазную влагу
На рубцы ихъ почтенныхъ вѣтвей.

Кое-гдѣ, ихъ покой охраняя,
Развѣтвясь изумруднымъ шатромъ,
Одиноко сосна молодая
Осѣняла ихъ свѣжимъ челомъ;

Кое-гдѣ, лучъ янтарнаго свѣта,
Трепеща по корнямъ ихъ игралъ,
Будто лилъ на нихъ нѣгу привѣта,
Будто раны ихъ нѣжно лобзалъ....

IV.

Долго шолъ я по тихому бору,
Все впередъ, все быстрѣе, какъ тать:
Я былъ радъ, что такъ много простору,
Что я могъ все бѣжать и бѣжать. . . .

Грудь впивала такъ полно и жадно
Липъ и елей густой ароматъ;
Полусвѣтъ такъ струился прохладно. . . .
Я былъ радъ, какъ младенецъ былъ радъ —

И все шолъ. . . . Но, движенью враждебный,
Уже лился полуденный жаръ.
Сосны звукъ издавали волшебный;
Волновался кругомъ бѣлый паръ. . . .

Надъ ручьемъ я припалъ, утомленный,
И прохладною, свѣжей струей,
Какъ дыханьемъ зари, оживленный,
Тихо легъ на песокъ золотой.

Теплый вѣтеръ вздымалъ мнѣ одѣжды ;
Межъ вѣтвей чуть сіялъ небосклонъ ;
Боръ шумѣлъ . . . И усталыя вѣжды
Мнѣ смежилъ упоительный сонъ.

V.

Чудный сонъ ! . . . . Имъ душа озарялась ,
Какъ во тмѣ, въ часъ вечерній, звѣзда.
Грудь такъ сладко, такъ вольно вздымалась .
Такъ не спятъ межъ людей никогда.

Въ этомъ снѣ я леталъ подъ звѣздами ;
Съ буйнымъ вѣтромъ въ степяхъ я игралъ —
И горѣлъ съ золотыми лучами ,
И по морю въ волнахъ пробѣгалъ ;

И носился въ чертогахъ небесныхъ ,
И свергался въ ущелія горъ ;
Созерцалъ свѣтлый ликъ безтѣлесныхъ —
И внималъ ихъ таинственный хоръ . . .

Соловьемъ сладкозвучныя трели
Мой волшебный разрушили сонъ. . . .
Вечерѣло. Деревья темнѣли,
Межъ вѣтвей не сіялъ небосклонъ.

Снова въ путь я пустился. . . . Далеко,
Тамъ, гдѣ боръ омрачонный рѣдѣлъ
И дымились холмы одиноко,
Горизонтъ, будто море, синѣлъ. . . .

VI.

Вотъ и ночь. . . . Я стою средь кургана.
Окруживъ лоно дѣвственныхъ водъ,
Въ легкой мглѣ зеленѣетъ поляна,
А подъ ней — полный звѣздъ небосводъ

Что за ночь! . . . Бездна водъ голубая
Пышно блещетъ, ясна какъ стекло.
Въ ней луна, вдохновенно сіяя,
Золотое купаетъ чело.

Берега подъ росой пышно-ясной
Всѣ дрожатъ и горятъ серебромъ;
Паръ тумановъ, клубясь сладострастно,
Ихъ объемлетъ прозрачнымъ крыломъ....

На востокъ, величаво чернѣя,
Потянулся таинственный боръ;
На закатъ, все блѣднѣй и блѣднѣе
Цѣпь холмовъ и желтѣющихъ горъ.

И кругомъ все почіетъ безмолвно,
Какъ дитя въ сновидѣньи святомъ, —
Только свѣта колеблются волны,
Только звѣзды трепещутъ огнемъ!....

VII.

Я глядѣлъ, изумленъ, очарованъ,
Все забывъ, что лишь помнить я могъ;
И стоялъ, все стоялъ, какъ прикованъ,
И склонился, — и въ траву прилёгъ.

Понеслись мои жадные взоры
Отъ холмовъ къ неподвижнымъ водамъ,
А отъ нихъ, черезъ боръ, черезъ горы,
За луну — къ трепетавшимъ звѣздамъ....

Закипѣли свободныя думы,
Пробудились душевныя сны —
И промчалось надъ жизнью угрюмой,
Вновь дыханье сердечной весны;

Той весны, когда грудь трепетала
Отъ огня, отъ надеждъ, отъ любви,
Когда гордая сила дышала
Въ юномъ сердцѣ и въ юной крови....

Тѣже обнялъ я гордыя силы,
Тотъ же жаръ мою душу зажогъ:
Я одинъ былъ, какъ въ лонѣ могилы, —
А со мной — лишь свобода да Богъ!...

VIII.

И какъ веселъ, какъ счастливъ здѣсь былъ я!
Какъ далекъ отъ земли и людей!

Сколько вновь въ эту ночь пережилъ я
Сладострастныхъ и дѣвственныхъ дней!....

Здѣсь я могъ, какъ дитя, забываться,
Какъ безумецъ, безумно мечтать,
Бурей думъ и надеждъ упиваться,
Силой чувствъ, какъ дикарь, трепетать.

И никто сердца дикаго счастьемъ,
Изумленъ иль обиженъ не былъ!
И никто своимъ нѣжнымъ участьемъ
Его грубыхъ забавъ не смутилъ!....

А, межъ тѣмъ, и заря молодая
Вновь боролась съ предутренней мглой,
То востокъ, то закатъ освѣщая...
Я очнулся для жизни иной.

Но очнулся я, мощный и гордый,
Полонъ новыхъ, торжественныхъ силъ —
И побрёлъ, но стопой уже твердой,
Вновь туда, гдѣ лишь день я не жилъ:

IX.

Смѣло несъ я въ груди убѣжденье,
Что въ ней много огня, чтобы жить, —
На презрѣнье, чтобъ бросить презрѣнье,
За любовь, чтобъ любовью платить. . .

Юный день ужъ сіялъ съ небосклона,
Когда го́рода вновь предо мной
Развернулось громадное лоно,
И дыша и гремя суетой.

Какъ волна, уносима волнами,
Шли толпы за толпой. Между нихъ
Я былъ нѣжно встрѣчаемъ друзьями,
Встрѣтилъ нѣжно своихъ и чужихъ. . . .

Но, лишь ночь въ небесахъ темносинихъ
Воцарилась и смолкъ дневный шумъ, —
Я жалѣлъ о безлюдныхъ пустыняхъ,
Снова полонъ былъ горестныхъ думъ:

Всѣ, какъ прежде, такъ зло клеветали,
Былъ такъ ложенъ привѣтливый взоръ,
Что отъ прежней, глубокой печали
Я бѣжалъ бы опять въ темный боръ. . . .

СТИХОТВОРЕНІЯ

1844 года.

I.

М. Г. П—ОЙ.

И душой прекрасной,
И красой сіяя,
Въ міръ тревогъ опасной,
Вы вошли, играя....

Весело предъ вами
Жизни даль смѣется;
Свѣтлыми мечтами
Ваше сердце бьется.

И надеждъ такъ много,
И ихъ жаръ такъ нѣженъ,
Что невольно Бога
Молишь, безмятеженъ; —

Молишь, чтобъ до гроба
Жизнь вамъ улыбалась
И земная злоба
Васъ не прикасалась;

Чтобъ сіяло чудно
Въ вашей думѣ вольной
Все, что въ жизни трудно,
Все, что сердцу больно....

Чтобъ и въ жизнь иную
Гордо унесли вы
Радость золотую
И ея порывы.

А чтобъ здѣсь, межъ нами,
Долго всѣ печали,

Повстрѣчавшись съ вами
Какъ теперь, молчали —

И до встрѣчи новой
Образъ вашъ прекрасный,
Въ бурѣ думъ суровой,
Жилъ, какъ ангелъ ясный.

II.

I.

День золотой погасъ.... Все смолкло. Божій міръ
Во мнѣ волшебной почиваетъ.
Прозрачно-голубой и полный звѣздъ эфиръ,
Въ лучахъ луны, какъ въ серебрѣ, сіяетъ.
Поля и темный боръ лобзаютъ волны свѣта —
И страстный соловей поетъ имъ пѣснь привѣта.

II.

Даль синяя полей и розовый закатъ,
И зелень рощи изумрудной,
И дымъ отъ ясныхъ водъ, и сладкій ароматъ —
Все полно чаръ, все дышетъ нѣгой чудной....

О! какъ бы въ этотъ мигъ душой не позабыться,–
А, если тяжело,– съ отрадой не молиться?....

III.

Мнѣ страшно тяжело отъ радостей и бѣдъ,
От дней грядущихъ и минувшихъ,
Отъ думъ и отъ страстей, отъ правды и клеветъ,
Отъ сновъ души, такъ сердце обманувшихъ –
И отъ всего, чѣмъ жизнь, такъ мрачно грудь волнуетъ,
Когда сіяетъ день и человѣкъ ликуетъ....

IV.

И вотъ, вдали отъ всѣхъ, надъ лономъ спящихъ водъ,
Сижу съ зари я до полнòчи....
На золотой закатъ, на синій небосводъ
Глядятъ, дивясь, внимательныя очи;–
Но,– дивы для очей,– они души не лечутъ
И блѣдныя уста молитвы не лепечутъ.

V.

Все снится мнѣ, брожу въ ликующихъ толпахъ,
Иль въ пыльномъ блескѣ улицъ шумныхъ,
Гдѣ, съ злобою въ груди, съ улыбкой на устахъ,
Подъ ношами страстей благоразумныхъ,
Все ходятъ вкругъ меня раскрашенныя маски
Да на слова любви мнѣ шепчутъ ложь и сказки...

VI.

Да если бъ въ этотъ мигъ и ожилъ я душой
И съ жизнью сердца примирился,
И, полонъ свѣтлыхъ думъ, съ надеждою живой,
Вновь, какъ дитя, и вѣрилъ, и молился,—
Что пользы?.. . Ночь пройдетъ; день засіяетъ снова —
И снова жизнь и міръ предстанутъ безъ покрова!...

III.

ВСТРѢЧА.

Разстались мы... И долго розно жили.
Не могъ я безъ тоски объ васъ воспоминать:
Какъ братъ съ сестрой мы съ вами близки были.
Въ глухихъ пустыняхъ залъ мы встрѣтились опять —
И было ль грустно вамъ, вы мнѣ не говорили,
Какъ было грустно мнѣ, не смѣлъ я вамъ сказать. . . .

IV.

ОЗМАНЪ.

Одинъ, среди толпы людей,
Далекъ ихъ чувствъ и ихъ страстей,
Я гордо счастливъ былъ
Тѣмъ, что ни кѣмъ не былъ любимъ,
Тѣмъ, что для всѣхъ я былъ чужимъ —
И никого умомъ моимъ
И сердцемъ не любилъ....

Не потому, чтобъ жаръ любви
Ужъ не пылалъ въ моей крови,
Чтобъ я любить не могъ; —
Но потому что сердца жаръ

Разноситъ жизнь, какъ блѣдный паръ,
Что онъ напрасный, горькій даръ,
Что сердце я берёгъ.

Въ немъ было много тяжкихъ ранъ;
Не разъ имъ тѣшился обманъ,
Терзалъ его не разъ. . . .
И я прочолъ ему обѣтъ —
Жить безъ любви въ разсвѣтѣ лѣтъ
И не искать чего и нѣтъ,
И не было межъ насъ.

Душѣ кипѣть, мечтамъ играть,
Желаньямъ грудь воспламенять —
Я строго запретилъ. . .
Я ничего не обѣщалъ,
Я ничего не ожидалъ —
И, наслажденій хоть не зналъ,
За то и слезъ не лилъ; —

За то, какъ въ дѣтствѣ, средь пелёнъ,
Подъ пѣсню няни усыпленъ,

Я весь спокоенъ былъ . . .
Но вотъ, какъ свѣтлый херувимъ,
Предстали вы мечтамъ моимъ —
И снова я предался имъ ,
И снова полюбилъ.

Вы были дивны. . . . Вамъ былъ данъ
Прекрасный ликъ, роскошный станъ
И знойный жаръ ланитъ,
И полный нѣги, томный взоръ ,
И полный страсти разговоръ.
И чувствъ обманутыхъ позоръ
Предъ вами былъ забытъ.

Забытъ. . . Проснли воли вновь
И знойно вспыхнувшая кровь ,
И страстныя мечты. . . .
Грудь взволновалъ тревожный вздохъ ;
Я заглушить его не могъ —
И разумъ сердца не сберёгъ
Предъ чудомъ красоты :

Безумно въ дань я вамъ принесъ
Слова молитвъ, потоки слезъ,
Какъ отрокъ вновь пылалъ,
Внимая нѣжное «люблю»
И, полонъ счастья, какъ въ раю,
Жизнь, волю, душу всю мою —
Все, все вамъ вновь отдалъ . . .

А для чего? . . . . Обманъ жестокъ.
Но стонъ печали, но упрекъ —
Кчему? . . . . Благодарю,
Благодарю васъ за обманъ:
Тяжелый вновь урокъ мнѣ данъ, —
За то сильнѣй отъ новыхъ ранъ
Я сердце затворю.

Смѣшно же было бъ слезы лить
О томъ, что женщинѣ любить
Глубоко не дано;
Что въ ней: и прелесть красоты,

И чувства яркія черты,
И жаръ сердечной теплоты —
На мигъ все рождено.

V.

НОЧЬЮ, 13-го ІЮНЯ, 1844 ГОДА.

I.

Ужъ давно послѣдній лучъ заката
Догорѣлъ на небѣ голубомъ.
Ужъ давно сижу я подъ окномъ.
Богъ вѣсть чѣмъ, душа давно объята....

II.

Я не жду полночнаго свиданья,
Нѣжныхъ устъ, лобзающихъ въ тиши:
Что̀ мнѣ въ нихъ? и что̀ въ нихъ для души?
И кчему ей новыя страданья?

III.

Я не жду роднаго сердцу друга,
Съ кѣмъ бы могъ дѣлиться сердцемъ я:
Гдѣ они, гдѣ вѣрные друзья
Свѣтлыхъ думъ и мрачнаго недуга?

IV.

Я не жду и ласки вдохновенья,
Сновъ души и ихъ волшебныхъ грезъ:
И кчему бъ ихъ ночи духъ занесъ
Въ эту грудь — въ холодный мракъ забвенья?....

V.

Что жъ гляжу, сонъ мирный забывая,
Все гляжу на синій небосводъ?
И чего жъ, чего такъ жадно ждетъ
И трепещетъ сердце, ожидая?....

VI.

Ждетъ оно, чтобъ небо голубое,
Полно звѣздъ, раскинулось надъ нимъ.

Ночь кратка. Сіять не долго имъ:
Умертвитъ ихъ утро золотое.

VII.

Погляжу тогда, какъ, погасая,
Всѣ онѣ, бѣдняжки, въ свой чередъ,
И совсѣмъ погаснутъ.... Грудь вздохнетъ,
Ихъ судьбу съ судьбой души сличая:

VIII.

И она, безумная, не много
Дней и лѣтъ торжественно горитъ:
Скоро гаснетъ.... Скоро ль отлетитъ
И совсѣмъ, туда, на лоно Бога?...

VI.

АВГУСТЪ.

I.

Еще все блещетъ, все цвѣтетъ:
Душистъ и свѣжъ зеленый боръ,
Сіяетъ пышно небосводъ,
Гремятъ ручьи по скатамъ горъ —
И полонъ сладкій мракъ ночей
И страстныхъ звуковъ, и лучей.

Еще весь пиръ земныхъ чудесъ
Кипитъ.... Но близокъ пиръ иной:

Погаснетъ чудный блескъ небесъ,
Польется мракъ тяжелой мглой —
И сбросятъ пышный свой уборъ
Холмы, луга и темный боръ.

Тогда природа, какъ мертвецъ,
Подъ бѣлымъ саваномъ снѣговъ
Уснетъ.... И, — горестный пришлецъ
Отъ вѣковыхъ, полярныхъ льдовъ, —
Надъ нею холодъ гробовой
Подниметъ вьюгъ и плачъ и вой.

Но крѣпокъ будетъ этотъ сонъ,
Какъ сонъ гробовъ невозмутимъ,
Всего, чѣмъ жизнь кипитъ, лишонъ
И всѣмъ, въ чемъ смерть живетъ, хранимъ, —
Сонъ въ безднѣ сумрачныхъ паровъ,
Подъ кровомъ мертвыхъ облаковъ....

Печальный сонъ!.... За то огнемъ
Природы рдѣющая грудь,
Въ его объятіи нѣмомъ,
Успѣетъ сладко отдохнуть, —

Чтобъ снова, съ жаромъ молодымъ,
Сіять подъ небомъ голубымъ.

II.

Въ нѣмыя думы погруженъ,
Надъ лономъ ясныхъ водъ сижу:
На этотъ яркій небосклонъ,
На этотъ пышный боръ гляжу —
И движитъ сердцемъ и умомъ
Печаль о сердцѣ молодомъ. . .

И въ немъ огонь и жизнь кипятъ,
И въ немъ надеждъ блестятъ цвѣты,
Желанья пьютъ ихъ ароматъ,
Играютъ чудныя мечты —
И въ немъ страстей кипящихъ міръ
Давно открылъ свой знойный пиръ.

Волшебный пиръ!. . . Но что же онъ
Кипитъ все жарче, все сильнѣй?
Когда жъ слетитъ отрадный сонъ
Къ душѣ пирующей моей —

И отцвѣтутъ въ ней, какъ листы,
Желанья, страсти и мечты?....

Какъ океанъ безъ береговъ,
Глуха даль жизни и темна;
Пустая ложь сердечныхъ сновъ
Жалка, безумна и смѣшна....
Пора бъ, пора бъ душѣ моей
Узнать и миръ спокойныхъ дней!...

И пусть бы ихъ холодный сонъ
Надъ нею, жарко-молодой,
Носился, мрачно облечонъ,
Въ глухой, безтрепетный покой, —
Что бъ ужъ ничѣмъ, никѣмъ она
Вновь не была пробуждена.

VII.

РУЧЕЙ.

(М. П. Г-ой).

I.

Часто, одна, далеко отъ людей и отъ шума,
Тамъ, гдѣ все тихо и пусто, гдѣ царствуетъ дума,
Свѣтлыя грёзы на смутную душу свѣвая,
Тихо брожу я о сердцѣ моемъ размышляя. . .

Бѣдное сердце! Зачѣмъ бы тебѣ знать печали?
Бури земныя ни разу тебя не смущали;
Въ жизнь предъ тобою едва лишь открылась дорога,—
Въ жизни жъ, слыхала я, радостей ясныхъ такъ много.

Какъ и не быть имъ ?. . . . Сiяя , какъ день, красотою,
Я, какъ заря, молода и умомъ и душою;
Люди и жизнь расточаютъ мнѣ щедрыя ласки;
Чувства лепечутъ волшебныя, райскiя сказки. . . .

Бѣдное сердце! Зачѣмъ же веселыхъ мгновенiй
Ты ужъ такъ чуждо? печальныхъ и смутныхъ волненiй
Такъ уже полно? . . . О чемъ же ты сердце страдаешь ?
Что золотыя видѣнья души омрачаешь?

Такъ я, одна, далеко отъ людей и отъ шума,
Тамъ, гдѣ все тихо и пусто, гдѣ царствуетъ дума,
Свѣтлыя грёзы на смутную душу свѣвая ,
Часто брожу, о печали моей размышляя.

II.

Такъ и теперь, глубоко и тревожно тоскуя,
Въ сумракѣ лунномъ бродить по полямъ выхожу я.

Дышетъ прохладой и блещетъ душистое поле.
Вотъ я одна въ немъ— и грустная дума на волѣ. . . .

Съ яснаго неба ясно глядятъ звѣзды ночи.
Блескъ ихъ чаруетъ и сердце больное и очи.
Воды и рощи почіютъ такъ сладко, такъ вольно. . .
А на душѣ, какъ и прежде, такъ тяжко, такъ больно.

Бѣдное сердце! . . . . Какое же горе съ тобою?
Что, молодое, не знаешь ты вѣчно покою?
Этотъ ли яхонтъ прозрачныхъ небесъ не нарядeнъ?
Этотъ ли тихій, почіющій міръ не отраденъ?. . .

Грустно! . . . . Но вотъ всколыхнулися волны зефира. . . .
Тихо луна въ голубомъ океанѣ эфира
Гаснетъ; востокъ, лобызаемый блѣдной зарею,
Быстро померкъ и блеснулъ золотой полосою.

Вотъ и туманъ приподнялъ свои бѣлыя сѣтки;
Птичка вспорхнула и звонко щебещетъ на вѣткѣ.

Солнце и утро! . . . . Проснулись и жизнь и тре-
вога.
Ясное небо сіяетъ присутствіемъ Бога. . . .

III.

Радостный мигъ! Мигъ надежды, любви и мо-
литвы!
Мигъ, когда гаснутъ и съ сердцемъ и съ жиз-
нію битвы —
И человѣкъ, какъ младенецъ купелью святою,
Весь обновленъ и доволенъ людьми и собою. . . .

Но, преклонившись на бархатъ зеленаго луга,
Смутной тревогѣ тяжелаго сердца недуга
Въ праздникѣ утра не вижу я сладкой отрады;
Въ ясное небо не жажду вперить мои взгляды.

Что̀ мнѣ сіянье прозрачныхъ небесъ золотое?
Что̀ мнѣ безбрежье полей и холмовъ голубое?
Пурпуръ востока и рощи нарядъ изумрудной?
Сердцу, какъ прежде, и тяжко, и больно, и трудно...

Бѣдное сердце !... Подъ тѣнью душистой березы,
Нѣжно сплетаясь, цвѣтутъ незабудки и розы.
Тихо ручей, будто яхонтъ небесъ серебристый,
Льется межь ними, спокойный, прозрачный и чистый.

Богъ вѣсть о чемъ, все сильнѣй и сильнѣе тоскуя,
Въ ясныя воды его все гляжу и гляжу я. . . .
Мнѣ за тревогу души моей больно и стыдно:
Доля твоя, беззаботный ручей, мнѣ завидна. . . .

IV.

О какъ спокойны твои чудно-ясныя волны!
Какъ онѣ мира глубоко и дѣвственно полны!
Какъ онѣ кротко на солнцѣ весеннемъ играютъ!
Какъ онѣ ярко Божій весь міръ отражаютъ! . . .

Небо горитъ въ нихъ, свободно и пышно сіяя;
Липа трепещетъ, зеленой вершиной качая;
Темной чертой пролетаетъ вечерняя птица;
Жаркимъ лучомъ золотая сверкаетъ зарница.

Облако бури и тихая ночи лампада,
Мрачный утесъ и листокъ изъ далекаго сада —
Все въ твоемъ лонѣ плыветъ, и блестя и чаруя,
Струй твоихъ ясныхъ ничѣмъ, никогда не волнуя...

Сладостный миръ!... И давно ты такъ льешься безпечно,
Блещешь давно — и блистать и играть будешь вѣчно,
Или, пока, — не знакомъ ни съ тревогой, ни съ горемъ,—
Тихо сольешься съ безбрежно сіяющимъ моремъ.

Райская доля!... О, если бъ и сердце больное,
Жизнь и душа, и стремленье души молодое
Также сіяли, храня свѣтлый миръ и безпечность,
И беззаботно неслись въ море жизни, въ ихъ вѣчность!....

VIII.

ЛУЧШІЙ МІРЪ.

I.

Въ нѣмой тѣни дубовъ и мрачныхъ елей
Могильный холмъ стоитъ.
Подъ шумъ ручьевъ и соловьиныхъ трелей,
Въ немъ кто-то сладко спитъ,
Глубоко спитъ, земное все забывши,
И, что̀ любилъ, навѣки разлюбивши. . . .

II.

И все кругомъ таинственно, какъ тайна
Невѣдомаго сна. . . .

И тяжко здѣсь вся грудь необычайной
Тревоги думъ полна–
И шумною толпой онѣ слетаютъ,
И душу въ сонъ тревожный погружаютъ :

III.

Кто здѣсь почилъ ? И изъ какого края
Сюда онъ занесенъ ?
Надъ нимъ рука молилась ли родная ?
Оплаканъ былъ ли онъ ?
Иль чуждый прахъ и, чуждые печали ,
Толпы чужихъ чужой землѣ предали ?....

IV.

И что легло подъ этотъ холмъ цвѣтущій :
Покой ли ясныхъ думъ ,
Иль вопль скорбей, такъ мрачно вопіющій ,
Да отравленный умъ , —
Чтó до того ?.... Все, что съ нимъ въ жизни было,
Равно прошло, равно здѣсь опочило :

V.

Мечты, любовь, судьбамъ благодаренья
За миръ счастливыхъ дней,
Иль горечь слезъ и ропотъ озлобленья
На жизнь и на людей —
Все пало здѣсь безсильно и безплодно
Предъ силою забвенія холодной.

VI.

Разсказъ о дняхъ, минувшихъ невозвратно,
Таинственно исчезъ:
Ни сводъ небесъ, простертый необъятно,
Ни этотъ темный лѣсъ,
Ни этотъ шумъ журчанья ключевова —
Ни одного о нихъ не скажутъ слова. . . .

VII.

И, если здѣсь, между людьми живыми,
Еще хоть кто нибудь,
Хоть чѣмъ нибудь незримо связанъ съ ними, —
Тревожный жизни путь

Все жъ разнесетъ о нихъ воспоминанья,
То нѣжныя, то злобныя преданья.

VIII.

И вотъ, о томъ, кто жизнью и страстями
Кипѣлъ, какъ мы кипимъ,
Платилъ за жизнь блаженствомъ, иль слезами,
Любилъ и былъ любимъ,
Не дастъ вномйнъ слѣдовъ, и мимолетныхъ,
Ни міръ живыхъ, ни міръ существъ безплотныхъ...

IX.

И страшно здѣсь холоднымъ размышленьемъ
Душа потрясена
И, трепеща, съ испугомъ и сомнѣньемъ,
Глядитъ на жизнь она —
И все, что грудь волнуетъ такъ тревожно,
Какъ бѣдно здѣсь, какъ жалко, какъ ничтожно!...

X.

И эти сны о жизни за могилой
О жизни неземной,

Въ которой грудь вдохнетъ иныя силы,
Блаженство и покой,
Весь этотъ міръ, таинственной и чудной....
Какъ здѣсь ему разсудокъ вѣритъ трудно!

XI.

Безъ бѣдъ и слезъ, безъ бурь и безъ волненья,
Весь этотъ лучшій міръ —
Не торжество ль холоднаго забвенья,
Не тотъ ли сердца пиръ,
Когда оно не любитъ, не страдаетъ
И ничего не ждетъ и не желаетъ?....

XI.

СТРАШНЫЯ МГНОВЕНІЯ.

В минуту грусти непонятной,
Когда душа скорбитъ невольно
И средь пустыни необъятной,
Пустыни жизни, сердцу больно;

Когда во снѣ его печальномъ,
Подъ обаяньемъ грозно-чуднымъ,

И въ близкомъ времени и въ дальномъ
Все полно горемъ, горемъ труднымъ ; —

Тогда, такъ медленно, безъ зова ,
Текутъ тѣ страшныя мгновенья ,
Которыхъ выразить нѣтъ слова ,
Которымъ нѣтъ уподобленья. . . .

Тогда всѣхъ свѣтлыхъ убѣжденій
Мгновенно гаснетъ чистый пламень ;
Для нѣги чувствъ, для наслажденій ,
Хладѣетъ грудь, какъ мертвый камень.

Тогда ничто душѣ не мило ,
Тогда всему желанья чужды —
И до того, что прежде было ,
Что есть и будетъ нѣту нужды ;

Тогда все то, что сердцу свято ,
Не понимаешь и не цѣнишь ;
Любви сестры, лобзанью брата ,
Отцу и матери не вѣришь;

И, какъ живешь тогда — не знаешь,
И цѣли дней и лѣтъ — не видишь;
Кого любилъ, тѣхъ презираешь
И, кѣмъ любимъ, тѣхъ ненавидишь....

X.

I.

Скоро ли, скоро ли, сердце тревожное,
Ты утомишься печалью безплодною
И на волненіе жизни ничтожное,
И на паденье всего непреложное
Станешь глядѣть, беззаботно-холодное?

II.

Полно!... Тоскою твоею кипучею
Что́ изъ минувшаго вновь возвратило ты?

Что̀ облекло снова жизнью могучею?
Что̀ глубоко, съ жаждой счастія жгучею,
Разъ разлюбившее, вновь полюбило ты?

III.

Полно!.... Смѣшно твое горе безумное.
Тщетно оно невозвратно-бывалое
Снова зоветъ и лелѣетъ, раздумное:
Море дней бурное, море дней шумное
Топитъ равно и большое и малое....

IV.

Знать, такова ужъ судьбы воля вѣчная;
Знать, такова ужъ и жизнь наша странная:
Въ пору мечтанія — степь безконечная,
Въ мигъ наслажденья — волна быстротечная,
Въ часъ вспоминанія — бездна туманная.

V.

Что жъ и жалѣть? И кчему вспоминанія?
Глупо отъ жизни просить невозможнаго..

Да и они, всѣ былыя желанія ,
Всѣ обманувшія душу мечтанія ,
Стоятъ ли вздоха, и вздоха ничтожнаго ? . . . .

XI.

I.

Въ глуши благовонной,
Въ таинственномъ мракѣ дубравы,
Подъ шумъ полусонной
Вѣтвей ея пышно-кудрявыхъ;

Лобзаемый нѣжно
Свободнаго вѣтра дыханьемъ,
Одинъ, безмятежно,
Я преданъ свободнымъ мечтаньямъ....

Отъ жизни волненья
Вседневно и тяжко тоскуя,

Здѣсь мира забвенья
И нѣги покоя ищу я:

Далеки отсюда
И люди, и горе, и страсти;
А подлѣ — все чудо
Да миръ, вѣчный миръ Божьей власти.

II.

Какъ море живое,
И блескомъ, и тѣнью играя,
Кругомъ, подо мною,
Струится трава молодая.

Надъ нею душисто,
Въ одеждѣ прозрачной и темной,
И ясень вѣтвистой,
И тополь колеблется томной.

Подъ свѣжей ихъ тѣнью
Ручьи свои сказки лепечутъ

И, съ сонною лѣнью,
Алмазы на зелень ихъ мечутъ....

И дышетъ прохладно
Весь сумракъ почившаго бора;
И блещетъ нарядно
Покровъ его пышный для взора.

III.

Но дивно — пышнѣе,
Какъ яхонтъ роскошный и цѣльный,
И взоромъ милѣе
Горитъ сводъ небесъ беспредѣльный:

Еще голубое,
Дрожащее тихо сіянье,
Такъ полно покоя,
Такъ чуждо тревогъ и страданья....

Глядятъ въ него очи
Безъ думъ, безъ желаній, безъ цѣли;

Но долго, — до ночи
Глядѣли и все бы глядѣли:

Какъ нѣжно и ясно,
Какъ мирно все тамъ и какъ стройно!
И какъ сладострастно,
И какъ упоительно-знойно!....

IV.

И быстро, какъ степью
Широкой, нѣмой и пустынной,
Три облака, цѣпью,
Плывутъ въ немъ, и свѣтлой, и длинной.

Ихъ грудь золотая
Серебрянымъ блескомъ сіяетъ
И, пышно сіяя,
Во мглѣ голубой погасаетъ....

И, дѣти эфира,
Такъ милые грустному взгляду,

Покоя и мира
И въ душу вливаютъ отраду :

Ихъ ясной игрою
Играетъ и сердце волшебно —
И жизнью иною
Вновь бьется и дышетъ цѣлебно. . . .

V.

Все горькое мимо,
Его не волнуя, несется ;
И слышно, и зримо,
Все сладкое вновь въ него льется.

Ле́гко ему биться,
Легко, будто сердцу ребенка ;
Грудь жаждетъ молиться ,
Иль въ звукахъ разсы́паться звонко. . . .

И чудные звуки
Звучатъ въ глубинѣ ея снова,

Безъ боли, безъ муки,
Какъ радости дѣтства былова —

И свѣтлыя грёзы
Таинственно къ Богу несутся,
И тихія слезы
Такъ сладко, такъ радостно льются. . . .

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТИХОТВОРЕНІЯ 1841 ГОДА:

1842 года:

1843 года:

1844 года:

Цѣна 1 р. 43 к. серебромъ.

THE LIBRARY OF CONGRESS

WERT
BOOKBINDING
Grantville, Pa
JULY - AUG 1989
We're Quality Bound